Мета-игра. Пробуждение

Автор:
Данияр Сугралинов

Мета-игра. Пробуждение

Данияр Саматович Сугралинов

Мета-игра #1

Когда девятнадцатилетний Матвей попадает в больницу, с ним начинают происходить загадочные события. По ночам его посещает таинственный доктор, которого больше никто не видит, и задает больному странные вопросы. Доктор вживляет Матвею фантастический гаджет, который открывает ему путь на изнанку реальности, в глобальную Мета-игру, населенную странными существами и опасными монстрами, а еще – другими мета-игроками.

Данияр Саматович Сугралинов

Мета-игра

Пробуждение

Глава 1. Доставщик

Я гнал велосипед так, будто за мной черти бежали. Правая нога то и дело соскальзывала с педали, меня клонило набок, руки норовили отцепиться от рулевой вилки. Катастрофа – почти опоздал! А ведь казалось бы, что проще работы доставщика пиццы? Упаковал термосумку горячими картонными коробками с «Маргаритой», «Пепперони», «Мясной» и «Гавайской», что в нашей

пиццерии – та же «Пепперони», только украшена колечками консервированного ананаса, да и покатил развозить по заданным адресам. И ребенок справится.

Да, платят копейки, но студенту-бюджетнику в моем городе места лучше не найти. Особенно такому, как я.

Однако работа эта подразумевает, что курьер умеет ориентироваться на местности, общаться с людьми, а еще ловкий и шустрый. Я не могу похвастать ничем из этого короткого списка.

Последний на сегодня заказ требовалось доставить в район новостроек недалеко от нашей пиццерии. Дома там уже построили, а вот дорог нормальных не проложили, и докатил я туда, еле прокручивая педали велосипеда. Я и по нормальному асфальту с трудом качусь…

Остановился у нужного подъезда и набрал номер квартиры. На том конце ничего не спросили: замок пикнул, и я открыл дверь. Оставив велик у входа, зашел внутрь и услышал, как открывается лифт.

– Подождите! – прокричал я вслед толстой женщине, зашедшей в кабину.

Я заковылял так быстро, как мог, но термосумка с пиццей скользнула с плеча. Потеряв равновесие, чуть не упал. Левая нога всегда меня подводила.

– На следующем поедешь, пьянь! – Кинув на меня взгляд между створок, тетка нажала на кнопку своего этажа.

Меня часто принимали за пьяного, так что я не обиделся – привык. Времени еще почти пять минут. Успеваю, хотя и совсем впритык, надо поспешить.

Маленькая, но гордая пиццерия дяди Давида – тоже, кстати, маленького, но очень гордого мужчины, – обещала всем заказчикам бесплатную пиццу, если доставщик не успел вовремя. Именно поэтому, учитывая мои особенности и то, что я развожу заказы на велосипеде, меня посылают только по близким маршрутам.

Послышался звук спускающейся кабины. Из нее вышел хмурый мужчина, сосредоточенно глядящий себе под ноги, с мощным догом. Пес, поскуливая, спешил на улицу и рвал поводок. В предвкушении скорого облегчения он рванул особенно сильно. Я уже упоминал, что не очень-то ловкий?

Собака, завидев заветную улицу, ломанулась вперед. Сойти с пути я не успел, и псина задела мою ногу. Колено подогнулось, а этого оказалось достаточно, чтобы я потерял равновесие и упал. Здоровый человек даже не пошатнулся бы, но здоровье – это не про меня. Ко всему, я подвернул лодыжку, в которой отдалась острой болью.

Мужик, все также не обращающий ни на что внимания, будто решал в уме сложную математическую задачку, вместе со своим псом вышел, кабина снова уехала, а я безуспешно пытался встать. Дополз до почтовых ящиков, зацепился за нижний и застонал, напрягая мышцы.

В кармане завибрировал телефон. Сдавшись, я откинулся к стене, вытянул его из кармана и ответил.

– Матвей, где тебя носит?! – резанул в ухе характерный акцент. – Заказчик звонил, орал, что заказа еще нет! У тебя две минуты! Не успеешь – штрафану! За сегодня ничего не получишь! Ты меня понял?!

– Я на месте, Давид Арамович! – запротестовал я, но он уже отсоединился.

Паника и отчаяние придали мне сил. Я подобрал под себя здоровую ногу и попробовал, опираясь на нее, подняться.

Пиликнул кодовый замок подъезда, и дверь распахнулась, впуская компанию – два парня и две девушки. Судя по заливистому смеху и болтовне, все были навеселе. Я обреченно выдохнул, не ожидая ничего хорошего.

– Слышь, ты чего? – озадаченно спросил один. – Все в порядке?

– Обкурился, – предположила девушка. – Лыбится чего-то…

Я не лыбился, просто слабо контролировал лицевые мышцы, из-за чего на моей физиономии вечно висела дурацкая ухмылка, но в объяснения вдаваться не стал и лишь пояснил:

– Встать не могу.

– Таки пьяный, – заключила девушка. – Вон как язык заплетается.

– Ничего он не пьяный! – воскликнула другая. Она протянула мне руку и попробовала поднять. – Не видите, болен? Дэцэпэшник. У меня двоюродный брат такой же, только тот совсем не ходит. Ну, чего застыли? Помогите!

Общими усилиями они подняли меня с заплеванного холодного пола, довели до лифта и помогли попасть на нужный этаж.

– Ну ты это, типа осторожно… – пожелал мне напоследок один из парней.

– Старайся не падать, – тепло добавила девушка, упомянувшая про двоюродного брата.

За закрывшимися створками кабины раздался беззлобный смех. Уверен, что кто-то из них пошутил на мой счет, но я уже привык. Остановившись у двери, глянул на часы – опоздал. Всего на минуту, но опоздал. Вытащив коробку с «Пепперони» из сумки, я позвонил.

Дверь распахнулась, будто хозяин ждал меня у порога. Яростно почесав пузо, мужчина в майке и безразмерных трусах смерил меня взглядом.

– Ну?

– Пиццу заказывали?

– Заказывал! Ты опоздал – платить не буду! Давай сюда! – Он вырвал коробку и захлопнул дверь прямо перед моим носом.

Не видать мне ни оплаты за сегодня, ни чаевых.

* * *

Следующим утром, проснувшись до рассвета, я тихо, чтобы не разбудить Сашку, включил комп, собираясь закончить одно очень важное дело. Примерно через час закончил наводить последние штрихи и откинулся в кресле, наблюдая за полоской загрузки: 27 %… 63 %… 99 %… 100 %!

О том, что почти полгода плотной работы завершены – вечерами, ночами, ранним утром и по выходным, каждую свободную минуту, остававшуюся от учебы в универе, – свидетельствовало равнодушное уведомление сайта разработчика игры Forgotten Battlegrounds:

«Ваша карта загружена. По окончании модерации карта и созданный вами сценарий станут доступны в нерейтинговых поединках. Благодарим вас за участие в проекте».

Если мини-лока станет популярной в простых баттлах, разработчик может включить ее в список доступных для рейтинговых боев. В этом случае я получу какие-то деньги. А еще – строчку в будущем портфолио, что намного важнее. Работа гейм-девелопера – моя мечта.

Я отлично разбирался в Forgotten Battlegrounds, благодаря встроенному игровому конструктору научился планировать квестовые цепочки, расставлять в ключевых точках квестодателей и боевых юнитов, прятать тайники с оружием и припасами… Но мой ник позорился где-то на самых нижних строчках мирового рейтинга.

А все из-за болезни. Самое плохое в ней – атония мускулатуры, то есть то, что я плохо координирую работу мышц. Из-за этого двигаюсь как кукла на ниточках, из-за этого у меня при ходьбе полный рассинхрон между руками и ногами, а на лице все время идиотская ухмылка. Даже когда мне очень грустно. А грустил я часто, еще с тех дней, как впервые осознал, сравнивая себя с другими детьми, что не такой ловкий, как они. Совсем не ловкий.

О победах в киберспорте оставалось лишь мечтать. Руки нещадно меня подводили, запаздывая или промахиваясь по клавишам, тогда как в сетевых баталиях все решают мгновения. Я даже стеснялся подключаться к голосовым чатам, потому что и речь моя… скажем так, не очень. Чувствовал себя игроком, закованным в тело проклятого персонажа с массой дебафов.

Компьютерные игры я люблю больше всего на свете – только там ощущаю себя почти полноценным, а не сломанной куклой. И, не имея возможности проявить себя в них как игрок, прокачиваюсь в качестве дизайнера модов и карт. Тут скорость реакции и мелкая моторика рук не так критична.

Я очень поздно заговорил, еще позже пошел, а возиться со мной было некому. Тетя Полина, мамина сестра, взявшая меня на воспитание после того, как родители погибли в авиакатастрофе, работала не очень успешным риэлтором и пыталась построить личную жизнь. Из бедности она выбраться никак не могла – сколько я себя помнил, мы всегда были бедны.

Если бы не тетя, расти мне с пяти лет в детском доме. Когда мне стукнуло одиннадцать, она вышла замуж и родила Сашку, в мои тринадцать – развелась. Сейчас мне девятнадцать, и за это время она сходилась еще несколько раз с мужчинами разной степени изношенности и развития алкоголизма. Один из них, Вова, продержался рекордно долго и вот уже четвертый месяц жил с нами.

Его хриплый недобрый голос, на фоне забормотавшего телевизора в гостиной за стенкой, вернул меня в реальность.

– Полинка! – заорал он. – Выруби ты этот ящик нахрен! Ни свет ни заря!

– А нечего разлеживаться! Иди работу ищи! – не осталась в долгу тетя Полина, а через пару секунд дверь в нашу с Сашкой комнату приоткрылась, и там появилась ее встрепанная голова. – Мотя, проснулся? Поднимай малого и дуй завтракать, отвезу в универ. У тебя полчаса на все.

Машина у нас совсем старая, но еще на ходу, хотя место такой рухляди на свалке. В работе торгового агента, где себя нашла тетя Полина после сокращения с государственной службы, надо быть мобильным.

Я нехотя поднялся и разбудил семилетнего Сашку. Едва открыв глаза, он щербато улыбнулся:

– Доброе утро, Мотя!

– Доброе! Поднимайся лежебока, в школу опоздаешь.

Я пощекотал его, и он, отбиваясь, залился смехом. Оставив брата заправлять кровать, я направился в ванную.

– Моть! – окликнул меня Сашка. – Ты карту закончил?

Я обернулся, и мои губы растянулись в улыбке:

– Ага!

– Круто! – закричал он и начал прыгать на кровати. – Покажешь, что получилось?

– Обязательно. Вечером, – ответил я, выходя из комнаты.

– Быстрее бы вечер! – донеслось вслед.

Умывшись и почистив зубы, я стал одеваться. И то и другое заняло прилично времени, а потому к завтраку подошел последним. И все это время в голове крутились мысли об игре и о созданном мною моде – что скажет модерация, как отреагируют разработчики? Этот день был очень важен для меня, я так долго к нему шел!

За столом Сашка, зевая, допивал чай, а тетя Полина и Вова дожевывали бутерброды, запивая его растворимым кофе.

– Доброе утро, – сказал я.

– Обротро, – передразнил Вова, скривившись. – Полинка, двадцать лет скоро парняге, чего он не съедет? Никакой ведь личной жизни с этим обормотом!

Он сунул палец между зубов, поковырялся там, цыкнул и, сузив глаза, стал буравить меня взглядом.

– Я не обормот, – сказал я, откусывая от бутера.

– Яеормот… – С этими кривляньями он явно перебарщивал, потому что говорил я вполне внятно. Не так чисто, как хотелось бы, но выражался понятно. – Тьфу, блин, вот же уродился, а!

– Не лезь к нему, дурак! – закричал Сашка, подпрыгивая на стуле.

Он всегда был готов за меня вступиться даже перед более сильным. Волнуясь, он выронил из руки чашку, и та со звоном разбилась. На кухне повисла тишина. Вова хмыкнул.

– Я уберу, уберу, – забормотал Сашка, слезая под стол.

– Сиди! Уберет он! Я сама… – незлобно проворчала тетя Полина, поднимаясь. Заметила, что и я сунулся ей помочь, и прикрикнула: – И ты сиди!

Левую руку Сашка пару лет назад сломал. Свалился с лестницы, когда мы не уследили, и неудачно упал. Двойной перелом. Перебило какой-то важный нерв, и с тех пор рука у него немного потеряла в чувствительности, да и владел ею братишка не очень хорошо. Из-за этого у него не получается нормально управлять персонажами в играх, а поэтому больше нравится смотреть, как играю я. Хотя в этом плане и мне гордиться нечем.

Он сидел расстроенный и шумно сопел.

– Саш… – мягко сказала тетя. – Ну чего ты?

– А чего он пристал к нормальному человеку?!

– Да какой он нормальный человек! Дебил! – зло отмахнулся Вова. – Ты еще, мелочь, поговори мне тут!

– Так, а ну закрыл рот! А то вылетишь вон из моего дома! – теперь в перепалку вступила и тетя Полина.

Никогда не понимал, почему ей так не везет с мужиками. Еще относительно молодая симпатичная женщина, а что ни хахаль – то полный придурок. Этот вот, Вова, вообще безработный и без своего жилья.

– Мотька мне как сын, – твердо сказала тетя. – Как Маринка с его отцом сгинули, так я его и воспитываю. А ты хочешь, чтобы он при живой тетке в общаге жил? Никакой он тебе не дебил! Поумнее тебя будет!

– Ладно, ладно, – Вова примиряюще поднял руки, обаятельно улыбаясь. Широкая простодушная улыбка – главное его оружие. – Я же о тебе забочусь, Полин. Кормишь его, поишь, ухаживаешь, а годы-то уходят. Молодость уходит твоя! Ты что, его до конца жизни на своем горбу тащить будешь?

Тетя Полина резко встала из-за стола, ничего ему не ответив.

– Поехали, мальчики, – сказала она.

* * *

В том, что я поступил в универ, заслуга тети Полины. Она обивала пороги в департаменте образования мэрии и в кабинете ректора. Она, видя мое увлечение компьютерами, и доказывала многочисленным комиссиям, что я могу учиться вместе со всеми, на очном отделении.

Она хотела как лучше, заботясь не только о моем образовании, но и о социализации. «Найдешь там друзей, вольешься…» – говорила тетя.

Она ошибалась. Не скажу, что сокурсники издевались надо мной, как-то притесняли. Нет, наоборот. Со временем все привыкли к моей манере передвижения и речи, а наш деловитый толстяк Генка, даже помог мне с первой работой – оказалось, что тем, кто предоставляет рабочие места таким, как я, положены налоговые преференции. Так меня приняли в пиццерию. Но дружить со мной никто не спешил.

В группе долго ржали, узнав, что меня взяли курьером, и стали делать ставки на то, сколько я продержусь. Я держался уже третий месяц, внося посильный вклад в семейный бюджет.

– Доставщик пиццы? Серьезно? Ты имел в виду, доставщик вчерашней пиццы? – хохотал Юра, который среди моих однокурсников был заводилой.

Пары в этот день прошли, как обычно, но затем случилось кое-что, навсегда изменившее мою жизнь. Правда, я тогда об этом не догадывался и только порадовался, что меня пригласили на вечеринку. Ее устраивал какой-то знакомый нашей красавицы Ольги Воронцовой. Та позвала Таню, Генку и Юру, и так вышло, что я оказался рядом, и ребята решили прихватить с собой и меня.

– Мотя! Сегодня твой счастливый день! – провозгласил Юра. – Подозреваю, что девчонки так напьются, что тебе представится шанс…

– Лучше молчи, Юрий Горкин! – грозно перебила Таня.

Тем вечером, жутко волнуясь, я стал собираться на первую в моей жизни вечеринку. Всякие семейные праздники и собственные дни рождения я не считаю, на них всегда присутствовали взрослые. В универе меня никогда никуда не звали, и приглашение на вечеринку наполнило меня восхитительным ощущением чего-то хорошего. Что-то обязательно должно было случиться. Что-то невероятное!

Тетя Полина, узнав, куда я собираюсь, засуетилась, помогла подобрать одежду, а потом вызвалась подвезти меня. Подумав, я согласился – в том районе я никогда не был и боялся заблудиться. Вечеринку устраивали в загородном доме.

Всю дорогу тетя болтала, а я очень нервничал и отмалчивался. Ведь там будет полно незнакомых людей! Что, если кто-то из них начнет смеяться надо мной? В какой-то момент я так себя накрутил, что даже решил никуда не ехать. Утреннее приглашение вдруг показалось ошибкой или розыгрышем, я даже засомневался, что вечеринка вообще будет. Надо сказать тете, чтобы возвращалась. В этот момент тренькнуло сообщение на смартфоне, писал Генка: «Моть, ты где? Мы уже здесь». Я вздохнул. Гена не тот парень, который будет подшучивать, если написал, значит, они там вправду меня ждут. «Скоро буду», – ответил я.

Когда мы приехали, тетя чмокнула меня в лоб:

– Развлекись там, Мотька. И… будь осторожен.

– Хорошо!

Я выбрался из машины, подошел к двери и нажал на звонок у ворот. Тетя наблюдала за мной. Щелкнул замок, и дверь отворилась. Обернувшись, я махнул тете Полине, она улыбнулась и показала мне большой палец.

Незнакомый накачанный парень, открывший дверь, что-то сказал, но из-за музыки я его не расслышал и просто кивнул. Он мотнул головой, пропуская меня внутрь.

От количества людей в доме у меня закружилась голова. Это была настоящая вечеринка! Все вокруг казались пьяными, шумными и… дружелюбными. Какая-то девчонка протянула мне банку пива, парень в рогатом шлеме викинга похлопал по плечу, а в целом, никому не было до меня дела, и я немного успокоился и стал искать сокурсников.

Нашел их на заднем дворе. Они доедали пиццу.

– А вот и Мотька! – обрадовалась Оля.

Она улыбнулась, блеснув белоснежными зубами. Глядя на нее, и я заулыбался. Она мне всегда нравилась. Даже очень.

– Моть, ты бы не налегал так на алкоголь, ты и без него не очень-то ловкий, – ухмыльнулся Юра, заметив в моей руке пиво. С ним мне всегда сложно – язвительный и нетерпимый к чужим недостаткам. А я для него один сплошной недостаток. – Эй, а слышали, что недавно в северном квартале случилось?

– Бензозаправка рванула, – кивнул сидящий верхом на стуле Гена.

– Семеро погибших! – Глаза Юры возбужденно засверкали, будто он получал от этого факта удовольствие. – У меня ж батя в пожарке, так говорит, они там все на ушах. Никто не может понять, что стряслось, и следаки, которые по делу

работают, тоже… Будто ни с чего – взяло и рвануло посреди ночи.

– Как это ни с чего? – возразил Генка. – Это ж заправка, там куча воспламеняющегося топлива.

Юрка замотал головой и аж пританцовывать начал от возбуждения:

– Понятно, но от воспламенения защита всякая стоит, не должно оно просто так вспыхивать! Отец про это много рассказывал. И там еще показания свидетелей противоречивые… Кто-то видел, как возле стоянки в темноте что-то такое появилось светящееся перед взрывом, какой-то силуэт, причем здоровенный! – Он выпучил глаза. – Правда, это показания одного психованного бомжа из парка, возле которого стоит заправка. Стояла, в смысле. А еще другой какой-то прохожий утверждает, что в самом начале огонь был зеленый. Зеленый, чувак! И к тому же как-то необычно струился. Короче, батя мой уже третий день сам не свой ходит. Но семь обгоревших трупов – вот это да!

– Вы думаете, нам приятно это слушать? – строго вмешалась Оля и усадила меня за свободный стул. – Давай, Матвей, садись. Бери, ешь, пицца еще осталась.

– Да его от пиццы уже небось тошнит! – хохотнул Юрка.

– Эй, Оль! – из дома вышел тот парень, что открыл мне дверь. – Бросай своих ботаников и пойдем к нам!

– Нет, – покачала головой девушка.

– Брось, крошка, не обижайся… – Парень припал на одно колено и достал из-за спины розу. – Это было совсем не то, что ты подумала!

Я не понимал, что происходит, но заметил, что ребята чувствуют себя неуютно. Юра рассматривал свои ногти, Генка смотрел в стол и ел пиццу, и только Таня не сводила глаз с парня. Оля закусила губу. Парень настойчиво протягивал цветок и ждал. Если я правильно понял, именно он был хозяином вечеринки, знакомым Воронцовой. Выждав еще несколько томительных секунд, он сдался. Отбросив цветок, поднялся с колена и зло осмотрел нас:

– А вы вообще кто такие?

– Ты же сам меня с приятелями пригласил! – возмутилась Оля.

– А я теперь уже не с тобой разговариваю.

Его взгляд скользнул по Юре, Гене, Тане и остановился на мне. Парни назвали свои имена, но хозяин проигнорировал. Не знаю, за кого он меня принял, может, за ухажера Оли, потому что она усадила меня рядом? Или просто запомнил мое лицо, потому что только что открывал мне дверь.

– Ты кто такой? – этот вопрос он задал мне.

– Э… М-м… – Занервничав и став заикаться, я пожал плечами и качнул головой.

– Демид! Отстань от него! – сказала Оля парню, положив руку мне на плечо. – Он со мной.

Это еще больше его взбесило:

– У тебя есть имя, Э?

– Э… М-м-матвей, – выговорил я. – Рад знакомству… Э…

Представившись, я поднялся со стула, протянул руку, ожидая, что он тоже назовет свое имя. Только он не стал.

– Я тебя не знаю, Мы-мы-Матвей! – презрительно скривился Демид. От него сильно пахло алкоголем. – Так какого хера ты делаешь на моей вечеринке? Эй, народ! – заорал хозяин дома, показывая на меня. – Кто знает этого черта кособокого? Кто знает Матвея?!

Никто не ответил. Я и сам никого не знал, здесь все были старше меня и никого из нашего универа, кроме четверых моих сокурсников.

– Слышал, Мы-мы-Матвей? Поднимай задницу и вали из моего дома!

Он ухватил меня за ворот рубашки, так тщательно подобранной тетей Полиной, и рывком поднял со стула. Одновременно вскочили Генка и Оля. Девушка разъяренной кошкой бросилась на Демида, требуя оставить меня в покое.

– Да что с тобой не так? Чего ты к нему прицепился, придурок?!

Демид отмахнулся от нее, больно схватив меня за локоть, потащил к двери. Я уже и сам был не рад, что оказался здесь, и теперь лишь мечтал поскорее убраться.

– Оставь его в покое, Демид! – завопила Ольга. – Иначе я тоже уйду!

Парень резко остановился. Обернувшись к девушке, он отпустил мою руку.

– Даже так? Вот ты дрянь!

– Не оскорбляй ее! – Вступившись за Олю, я потянулся к Демиду, чтобы тронуть его за плечо. В этот момент он снова обернулся и ударился скулой о мою руку.

– Ты охренел?! – изумился Демид. – Еще и лезешь на меня?! Вали из моего дома, уродец!

Он сильно толкнул меня в грудь.

Обычный, здоровый человек устоял бы на ногах. Но здоровым я не был. Меня качнуло, я попытался удержать равновесие, но просто не смог нормально переставить ноги. Споткнувшись о низкий бордюр, я упал и ударился виском обо что-то твердое.

В мой череп будто въехал поезд. От адской боли я попытался заорать, но подоспела тьма, и я отключился.

Глава 2. Странный доктор

С детства я привык к тому, что мне недоступно то, что доступно моим ровесникам. Я не попадал цветными кольцами на ось, выстраивая пирамидку, чем доводил практически безграничное терпение воспитательницы в детском саду до края, так, что она, пряча за милой улыбкой раздражение, собирала ее за меня. Я плохо играл в прятки, не мог взобраться сам на горку, становился легкой добычей в догонялках… Футбол, хоккей, баскетбол – все, что требовало хорошей координации движений, было не для меня. Что касается плавания, то, добившись определенных успехов в умении не захлебнуться на глубине в метр, я и на этом виде спорта поставил крест. Спорт, танцы, скоростной спуск по лестнице, боулинг, роликовые коньки, самокат – на каждом из этих развлечений я видел штамп: «Неприменимо для Матвея».

Я повторял это каждый раз, сталкиваясь с очередным «это мне недоступно». И, пожав плечами, просто принимал новое ограничение.

Сложнее было свыкнуться с тем, с чем я столкнулся в видеоиграх. Я помню, как тетя Полина подарила мне неновую игровую консоль с геймпадом, и мне казалось – вот же оно! Вот это – мое! На той стороне экрана нет Матвея-инвалида, а есть Матвей-герой! Я мог колонизировать миры, побеждать монстров и спасать принцесс.

Но то, что я усидчивостью и терпением преодолевал в сингл-режимах, требовало совсем иного в сетевых. Быстрая реакция, четкий микроконтроль, отличная координация – без этого невозможно преуспеть ни в Counter-Strike, ни в Dota 2, ни в Fortnite, ни в любой другой сетевой игре. Мои пальцы даже близко не успевали за всем, что успевал продумать мозг.

Но я привык и к этому, решив, что мое призвание в другом. Я увлекся моддингом. Делал карты для стратегий и шутеров, пока не осознал, что у меня лучше всего получается продумывать сценарии. Не просто мини-локации, а локи со своей историей и сюжетом, квестами, тактикой прохождения.

Наверное, поэтому первое, что я подумал, когда очнулся, – прошла ли карта модерацию? А если так, то сколько игроков уже опробовали ее? Понравилась ли она им? Какие отзывы? Заработаю ли я что-то на ней? Я попробовал дотянуться до смартфона, когда осознал, что нахожусь не дома.

Приглушенные голоса… Запах лекарств… Шелест простыней… Это больница.

Я открыл глаза.

Все было как в тумане. Одиночная палата, приглушенное белое освещение, просвет окна с тусклым фонарным светом. В звенящей тишине я расслышал пиканье аппаратуры у кровати и шелест мокрой тряпки, которой кто-то тер пол. Потом звон металлической ручки ведра. Шаги, и снова шелест. Где-то далеко раздался тихий мужской голос и едва слышный женский.

Жутко болела голова. Я попробовал поднять руку, но не почувствовал ее. Другая тоже не слушалась. В груди заныло нехорошее предчувствие. Сигналы мозга, и так не идеальные, не достигали конечностей – ногами пошевелить я также не смог.

Я вскрикнул от испуга. Вместо вскрика получился какой-то придушенный хрип. Нет, этого не может быть! Сердце забилось чаще, лицо покрылась испариной, а я отчаянно старался почувствовать тело, но не мог.

Собравшись с силами, я попытался пошевелить хоть чем-нибудь, но мне не удалось даже двинуть шеей. Как так? Может, меня накачали лекарствами, и…

Я набрался терпения, стараясь успокоиться. Все будет хорошо. Двадцать первый век, сейчас почти все лечат. Надо просто подождать.

По моим прикидкам, прошло больше двух часов, может, больше, не знаю, я потерялся во времени. Ничего не изменилось, я все так же не чувствовал тела. У меня началась паника. Пусть кто-то придет и объяснит, что со мной! Я заорал.

У меня не получилось. Я драл глотку, но слышал только шипение и продолжал напрягать связки, пока не закончился воздух в легких. Набрался сил и снова закричал. И, наконец, услышал себя.

Этот вопль наполняли отчаяние и чувство несправедливости, ужас и разочарование из-за несбывшихся мечтаний. Работа гейм-дизайнером, девушки, прыжок с парашютом, путешествия – все было потеряно для меня. Будто высшая сила не удовлетворилась отобранными при рождении возможностями, вытащила космические ножницы и безжалостно отрезала еще один огромный кусок от моего будущего.

На крик кто-то прибежал. Я не видел кто, не в силах пошевелить шеей. Скосив глаза, перестал орать. В дверном проеме маячили два силуэта: дежурная медсестра и усатый доктор.

– Пришел в себя, Колесников?

Доктор подошел ближе, изучил показания аппаратуры. Пальцами открыл мне глаз и ослепил светом фонарика.

– Я ничего не чувствую! Я даже головой не могу пошевелить… – мне показалось, что я это прокричал, но доктор лишь озабоченно покачал головой.

– Не напрягайся, все равно непонятно, что ты пытаешься сказать. Попробуй успокоиться…

Его голос стал неразборчивым. Что-то ткнулось в руку, а может, мне просто показалось. Доктор продолжал говорить, но мое восприятие реальности разбилось на стоп-кадры ощущений. Шорох, что-то холодное на локтевом сгибе, укол…

Время порвалось на куски. Где-то на фоне безмолвия темной бездны, куда я падал, слышались голоса.

Равнодушный голос врача: «Патоморфологический ушиб головного мозга… Динамика пациента отрицательная… Регрессия функции…» Сочувственные разговоры пришедших однокурсников. Всхлипывания тети Полины: «Мотька, как же так?», решительно-суровый голос Вовы: «Все, Полинка, он овощ! Подумай…» и жалобный Сашкин плач: «Мотя, проснись! Просыпайся!»

– Просыпайся! – требовательный голос братишки раздался совсем рядом. – Ты ведь меня слышишь! Просыпайся!

– Сашка… – прошептал я, но не услышал даже сам себя.

– Он очнулся!

Я почувствовал, как его маленькая ладонь гладит меня по лбу.

– Саша! – вскрикнула тетя. – Что ты делаешь?!

Братишка делал то, что и всегда, когда я притворялся спящим, а он хотел меня разбудить – разлеплял мне веки, раскрывая глаз. Губы дернулись в попытке растянуться в улыбке. Мне никак не удавалось сфокусировать взгляд.

– Тебе показалось, сынок, – горький голос тети Полины донесся совсем издалека.

Я изо всех сил пытался не отрубиться снова. Напрягал все мышцы, стараясь подать знак, что слышу, что просто не могу ответить и…

– Сынок, Мотька тебя даже не слышит, – голос тети затухал с каждым словом. – Не буди его. Если поправится…

– Да брось! – раздраженно перебил ее Вова. – Такое не лечится. Доктор же сказал, что состояние только ухудшается.

– Он поправится! – всхлипнул Сашка, а потом заплакал – громко, безысходно, сам не веря в свои слова. Его плач едва проник в мое угасающее сознание. – Он обещал мне показать свою новую карту! Он обещал!

«Я обещал», – согласился я, снова тая во тьме.

* * *

Тетя Полина с Сашкой приходили еще. Или нет? Я слышал их голоса, но понять, был ли это один визит или они появлялись много раз, не мог. Вовы с ними не было, а если и был – молчал. Его голоса я больше не слышал.

Зато я часто слышал голос врача. Не того, что пришел на мой крик, когда я впервые очнулся, а другого. Он назвался Юрием Андреевичем, хотя для такого обращения голос у него был слишком молод. Его я так ни разу и не разглядел. Он заходил часто и поначалу в основном молчал, изучая мое состояние, но его присутствие я определял безошибочно. От него исходил явственно ощутимый морозный запах. Не знаю, как еще объяснить этот дух свежести, хвои и льда.

О том, что медсестры ставят капельницу или делают уколы, я догадывался только по изменяющемуся состоянию – навалившейся сонливости или расходящемуся жару в венах. Потому не знаю, что за аппаратуру использовал Юрий Андреевич, но благодаря ей он каким-то непонятным способом умудрялся со мной общаться.

Он начал задавать вопросы, на которые можно было ответить однозначным «да» или «нет», и вопросы эти были далеки от медицины. Они вообще были очень странными. К примеру, доктор описывал мне ситуацию:

– Представь, что у тебя есть близкий друг. Самый-самый близкий. Друг берет у тебя взаймы крупную сумму денег. Например, столько, сколько ты зарабатываешь за год. И не возвращает. Потом он попадает в беду – врачи находят у него тяжелую болезнь, и чтобы излечиться, нужно провести дорогостоящую операцию. Не зная, к кому еще обратиться, он просит помощи у тебя. В твоих силах ему помочь. Ты ему поможешь?

«Друг? – думал я. – Настоящих друзей у меня никогда не было, а будь такой, я бы за него поборолся. Ну не вернул деньги, и ладно, значит, не смог. Вернет, когда сможет. А сейчас главное, чтобы он вообще выздоровел!». Я думал об этом, а Юрий Андреевич подтверждал, что уловил ответ:

– Значит, поможешь, – говорил он. – Хорошо. Идем дальше. Представь, что ты – руководитель подразделения особого назначения. Террористы захватили школу…

Со временем мне полюбились заковыристые истории странного доктора, – они заставляли мозг усиленно работать, выстраивая сцены, продумывая персонажей, их мотивы и варианты развития событий. День ото дня задачки Юрия Андреевича становились все сложнее, а сделать в них однозначный выбор труднее и труднее.

Но странность была не только в этом. Юрий Андреевич появлялся в моей палате по ночам, это я мог сказать с уверенностью. Зрение отказывало, я перестал видеть даже силуэты, только световые пятна, но мог отличить день от ночи.

В таком положении я провел не меньше месяца. Кажется, за окном выпал снег. Меня возили в операционную, а очнувшись, я по тупой непроходящей боли в

затылке догадался, что мне делали операцию. После нее все стало еще хуже, и если бы не визиты тети Полины и Сашка, я бы решил, что обо мне все забыли. Братишка рассказывал про школьный праздник и о новой игре, подаренной мамой, и снова просил, чтобы я проснулся, встал и поехал с ними домой – проходить игру вместе. Он иногда плакал, а иногда злился на меня. Но плакал все же чаще.

В одну из ночей я ощутил запах мандаринов, услышал шорох конфетных оберток, затем издалека донесся хлопок шампанского и звон фужеров.

Посленовогодняя ночь, когда меня окончательно накрыло тьмой, и я перестал видеть вообще, должна была стать для меня последней. Я устал. Голова раскалывалась так, что хотелось просто умереть. Новый год казался далеким, и подсознательно я надеялся, что встану на ноги или хотя бы меня отправят домой, и пусть даже парализованный, встречу первое января в кругу семьи. Не вышло.

Я дотянул, но понимал, что умираю. Все было передумано много раз, я нашел все хорошее и замечательное, что у меня было: теплые родительские объятья, заботу тети Полины, любовь Сашки, дружеские подтрунивания одноклассников и однокурсников, и даже работу в пиццерии у дяди Давида. И это не говоря уже о виртуальных книжных, киношных и игровых мирах, в которых я прожил сотни жизней.

Я собрался уходить, когда снова ощутил появление странного доктора. Я слышал его тихое размеренное дыхание и морозный дух.

– Матвей! Матвей! – голос Юрия Андреевича пробился сквозь забытье.

Открыть глаза мне уже не удалось.

– Не напрягайся. Просто слушай. Дела твои плохи, Матвей. Операция прошла неуспешно, мозг безвозвратно поврежден. Черепно-мозговая травма наложилась на церебральный паралич – это вызвало каскадные нарушения. Зрение тебе уже отказало, слух на грани, там все на грани. В любой момент может отказать сердце или легкие, а на аппарате искусственного дыхания долго тебя держать не будут. Завтра тебя планируют отключить, и твоя семья уже дала согласие…

Его слова доносились издалека, будто и говорил он не со мной. Вот и все – конец. Окончательно и навсегда. Такая недолгая жизнь, столько всего я не увидел, не ощутил, не узнал. Я хотел ему ответить, что еще недавно был готов умереть, но теперь мне безумно хочется жить, что все это ужасно несправедливо, но говорить я не мог.

– Никто не хочет умирать, Матвей, – в бесстрастном голосе появились сочувственные нотки. – Но не каждый заслуживает жизни. Мы с тобой много общались, и я думаю, что ты – заслуживаешь. Не жизни растения, а полноценной, даже более полноценной, чем у большинства других. Именно поэтому я здесь и разговариваю с тобой. Слушай внимательно.

Я попробовал сосредоточиться, но его голос был все так же далек, и мое собственное сиплое дыхание казалось громче, чем слова Юрия Андреевича. О чем он вообще говорит? Что-то непонятное…

– Я могу тебя излечить. Полностью убрать последствия полученной травмы. Все, что требуется, это твое согласие.

– Я почувствовал, как он протирает мне веки чем-то влажным.

– Открой глаза.

На этот раз получилось. Я разлепил веки и долго пытался сфокусировать взгляд. Он терпеливо ждал, и мне наконец удалось разглядеть склонившуюся надо мной фигуру. Узкое лицо, тонкие серые губы, огромные темные провалы глаз.

– Матвей, повторяю, мне нужно твое согласие. Моргни один раз, если понял.

Я закрыл глаза, снова открыл.

– Хорошо. То, что я собираюсь сделать, требует твоего безусловного согласия. Видишь ли, это не традиционная медицина. Это вообще не медицина. И это нельзя внедрить силой и кому попало, нужно естественное принятие Меты психикой человека. На мой взгляд, ты подходишь, но у Меты свои критерии.

Мета? Он произнес это слово будто имя или какое-то название.

– Что это? – попытался спросить я, не чувствуя губ, но он меня понял.

– То, что я имплантирую в твой спинной мозг, называется нейроморфный чип. Твое восприятие реальности станет намного шире, но те возможности, которые даст тебе нейроморф, зависят только от тебя. Исцеление тела – всего лишь побочный эффект. Будет больно, но это не самое главное. Видишь ли… – Он замялся. – Должен тебя предупредить. Могут быть, скажем так, и другие эффекты. Не очень приятные. Вероятность этого есть. Моргни три раза, если согласен и готов.

Я был готов на любые эффекты, готов перетерпеть всю боль мира просто за шанс жить! Поэтому моргнул я намного больше трех раз, пытаясь выразить абсолютное согласие.

– Все, все, я понял, – сказал он, скупо улыбнувшись. – Сейчас введу тебе препарат, который немного ослабит боль и замедлит метаболизм. Восприимчивость тоже снизится, хотя куда уж больше… К сожалению, полный наркоз невозможен, для полноценной нейро-имплантации требуется, чтобы ты был в сознании. Самое главное – не кричи. Терпи! Иначе полбольницы сбежится, и процедуру могут прервать. Понял?

Я снова моргнул. Тогда доктор открыл маленький чемоданчик, поставил его рядом, достал что-то и ткнул этим мне в шею.

Сердце забилось совсем медленно и слабо, и только по сменившемуся полю зрения я понял, что доктор перевернул меня на живот. Чуть ниже шеи меня коснулось что-то острое и холодное. Вдавилось сильнее… и будто пробило мой позвоночник. Доктор просил не кричать, я как мог стиснул зубы. Кажется, в этот момент он наклонился ко мне, потому что его шепот прозвучал у самого уха, теперь он был более взволнованным и каким-то сдавленным:

– Матвей, послушай еще. Те, кто прислали меня, хотят с твоей помощью совершить что-то ужасное. Я оценил, как ты проходил мои тесты, и мне кажется, что ты не должен становиться слепым исполнителем чужой воли. Поэтому я очень надеюсь, ты сможешь противостоять им. Постарайся… – его голос дрогнул, он кашлянул. – Постарайся остаться собой, Матвей.

По моему позвоночнику растеклось адское пламя. Через бесконечные секунды боли, когда я даже не мог вздохнуть, все кончилось. Где-то вверху, как будто издалека, послышался голос:

– Все, уже все. С тобой это прошло на удивление быстро. Заклеиваю. Готово. – Он перевернул меня на спину, склонился и прошептал: – Удачи, Матвей. Жди пробуждения!

А потом началось что-то очень странное.

* * *

Я падал и падал в бесконечной темной бездне, так долго, что в какой-то момент подумал: может, я и не падаю, а просто завис где-то в космосе? Но где тогда звезды?

И они появились. Ярко-горящие точки, как пиксели, вспыхнув, стали стекаться друг другу и преобразились во что-то знакомое.

Пиктограммы? Руны? Они несколько раз сменились, пока не появились понятные слова:

Для мысли и действия рожден человек.

Стоило мне прочесть надпись, как она исчезла, сменившись другой:

Язык интерфейса определен и установлен: русский.

Вокабулярный запас игрока и база образов считаны, адаптированы и будут использованы в дальнейшей коммуникации.

Словно убедившись, что я не только смог прочитать, но и понял написанное, текст мигнул и опять изменился:

Интеграция и активация нейроморфа завершена успешно.

Определение точки инициации завершено успешно.

Идет процесс сканирования тела игрока: 1 %.

Нейроморф? Ну да, его упоминал Юрий Андреевич… Я с нетерпением ждал окончания сканирования. Не знаю, сколько времени висел так, во мгле. Самого себя я не видел и не ощущал – ни тела, ни глаз, ни даже дыхания.

Пока цифры процентов очень медленно сменялись, я успел вспомнить всю свою жизнь; сочинить гайд по прохождению большого подземелья в Forgotten Battlegrounds; выстроить с десяток теорий того, что за штуку установил мне странный доктор, а потом окончательно впасть в полудремотное состояние.

Оттуда меня вывел импульс, смывший забытье. Текст обновился:

Сканирование тела игрока завершено. Анализ вокабулярного запаса завершен.

Оценка физического состояния произведена: 12 %.

Оценка интеллектуального состояния произведена: 78 % по стандарту вида, 245 % по стандарту Меты.

Расчет уровня игрока…

Возможно присвоение уровня: ?6 (отрицательное значение).

Игрок, выберите один из возможных вариантов стартовых условий игры:

1. Присвоение стартового уровня с отрицательным значением (?6) с сохранением текущих повреждений тела. Бонус выбора: +3 случайных таланта, +100 % к скорости развития игрока.

2. Исцеление текущих повреждений тела с дальнейшим присвоением стартового уровня с отрицательным значением (?3). Бонус выбора: +2 случайных таланта, +50 % к скорости развития игрока.

3. Полное исцеление тела с дальнейшим присвоением стартового уровня с нулевым значением (0). Бонус выбора: +2 случайных таланта.

4. Полное исцеление тела с дальнейшим присвоением стартового уровня с положительным значением (1) и возможностью выбора класса. Бонусы отсутствуют.

Смущало активное использование слова «игрок», будто моя крыша окончательно поехала, и в коматозном бреду я играю во что-то как наяву… А может, все дело в этом самом «вокабулярном запасе», то есть, в словах, которые я обычно использую? Возможно, штуковина, которую установил мне доктор, просто оперирует знакомыми мне понятиями.

Я задумался. Большой игровой опыт говорил, что уровни можно поднять, а вот бонусные перки и повышенная скорость развития персонажа с самого старта – раз и навсегда. Но все это будет неважно, если я останусь тем же калекой, каким был, даже если нейроморфный чип вернет мне подвижность.

Исходя из этого, я откинул два первых варианта. Оставаться больным я не хотел ни за какие проценты к скорости развития.

То, что чип дал мне выбор между нулевым и первым уровнем, однозначно говорило о том, что разница между ними есть. Вполне возможно, что нулевой уровень урежет часть возможностей, которыми изначально владеет игрок первого уровня. Но никаких пояснений на эту тему не было. Я пробовал фокусировать взгляд на каждом из пунктов, мысленно нажать кнопку,

использовать голос, не слыша себя. Все тщетно.

Буквы неподвижно висели в темноте. И тогда я выбрал – не просто повел взглядом или прочитал, но осознанно сделал выбор: третий вариант. Его нулевой уровень и два таланта были ерундой в сравнении с абсолютным исцелением!

Игрок, выбор сделан. Ты входишь в Мету, как:

Матвей Колесников, 0 уровень.

Генерация первого бонусного таланта… успешно.

Матвей, ты получаешь талант «Эрудиция» 1 уровня.

Талант дает способность подгружать по мысленному запросу известные знания (то, что знает не менее чем 0,001 % населения данной мировой локации).

Генерация второго бонусного таланта… успешно.

Матвей, ты получаешь талант «Скала» 1 уровня.

Талант дает способность полностью игнорировать любой урон в течение 1 секунды после первого воздействия (урон – все, что снижает уровень твоего здоровья).

Запуск полного исцеления тела игрока.

Исправление дефектов…

Ниже появились проценты, но на этот раз все затянулось дольше, чем когда шло сканирование. По телу словно поползли огненные муравьи. А точнее, они засновали внутри тела. Они прожигали дорожки в мягких тканях, костях и мозге, будто создавая во мне сложную, разветвленную микросхему. Больше всего их скопилось у основания затылка и в районе висков. Они копошились там, заливая голову жаром, мозг уже буквально кипел – а потом вспышка слепящего белого света накрыла меня.

Глава 3. Вход в Мету

Уже позже тетя Полина рассказывала, что когда они, еще зимой, приехали со мной проститься, возбужденный лечащий врач повел их ко мне в палату.

– Пока преждевременно делать прогнозы, и я не хочу вас обнадеживать, но в состоянии Матвея произошли кое-какие изменения, – сказал он, встав у моей кровати.

С того дня прошли долгие недели, месяцы восстановления. Я не приходил в себя, спал, но сон был не пустой темной бездной – в нем я видел себя внутри виртуальных миров, в которые успел переиграть за свою жизнь… Бродил по просторам World of Warcraft и Lineage II, бегал с оружием наперевес по локациям шутеров, выполнял квесты в The Elder Scrolls… Но внезапно все закончилось, и на всю жизнь в голове отпечатались ощущения, когда я пришел в себя.

Игрок, восстановление твоего тела завершено.

Добро пожаловать в Мету!

Ты стартуешь со следующими условиями:

Уровень: 0 (недоступны основные функции).

Таланты: «Эрудиция», «Скала».

Класс: недоступен до достижения пятого уровня.

Выбери игровое имя:…

Я замер в ожидании некой виртуальной клавиатуры, но ничего не появилось. Тогда я стал мысленно произносить варианты игрового ника, и все они, сменяя друг друга, возникали в нужной строке: Матвей, Мотя, Плут, Тактик… Я часто менял ники, они отображали эволюцию моих увлечений. Последним, и самым долгоживущим был Найт. Так произносится английское слово Knight, и также – ночь. Этакая игра слов. В играх с Сашкой я всегда был для него этаким рыцарем, пусть и нескладным, а он был верным оруженосцем. Кроме того, моим любимым временем суток была ночь, когда в тишине и спокойствии я мог погрузиться в любимые миры, будь то игра, книга или сериал.

На нем я и остановился.

Выбранное игровое имя: Найт.

Возможно однократное изменение выбранного игрового имени до достижения 10 уровня.

Найт, по результатам сканирования Мета определила, с какими игровыми характеристиками ты начнешь:

Тело: 1.

Разум: 1.

Чувство: 1.

Дар: 1.

Хорошей игры, мета-игрок!

Текст исчез, как только я дочитал его. Я открыл глаза… и будто вынырнул из вязкого болота под яркий солнечный свет – все органы чувств заработали одновременно. Некоторое время я лежал, зажмурившись и боясь шевельнуться, оглушенный валом нахлынувших ощущений. Запахи хлорки, лекарств, пыли, аромат супа из столовой, и я даже мог сказать, какого – рассольника, все это ударило в нос внезапно…

Так же неожиданно в уши ворвались шумы, которые мозг четко разложил на источники: звуки улицы, потрескивание тающего инея на стекле, голоса врачей и пациентов, медсестер и посетителей больницы, бормотание телевизора в коридоре и мелодия смартфона в соседней палате. Аналогично повело себя осязание и вкусовые рецепторы. Волоски на руках приподнялись, я ощутил легчайшее движение воздуха – сквозняка, проникшего из открывшихся дверей больницы и проскользнувшего через мельчайшие щели в оконной раме.

Очень осторожно я снова приоткрыл глаза, выглядывая в мир между ресницами, и даже так увидел потолок отчетливо и до мельчайшей трещинки.

– Я жив. Жив! – выдавил я пересохшим ртом, и, если не считать объяснимой сиплости, фраза прозвучала четко.

Жутко хотелось пить, меня грыз голод, но это были нормальные человеческие потребности, а в остальном я чувствовал себя абсолютно, на тысячу процентов здоровым!

Чип не просто вернул меня к жизни, он убрал последствия родовой травмы.

Следующие несколько минут я прислушивался к себе, изучал тело, шевелил конечностями и крутил головой. С некоторой опаской ощупывал себя, щипал, убеждая, что это не сон. Определившись с этим, занялся своей сверхчувствительностью, и мне удалось приспособиться, более-менее отсечь все лишнее, чтобы воспринимать только важное.

А потом я встал. Сначала сел на кровати, затем поставил ноги на пол и поднялся. Постоял, убедился, что не падаю, и сделал шаг. Другой, третий – на выход из палаты, в ту сторону, откуда шел умопомрачительный кисловато-мясной дух рассольника.

С радостным изумлением я шел по больничному коридору, твердо ступая и считая шаги. Вместе с другими пациентами вошел в столовую и получил свою порцию супа, тарелку перловой каши с кусочком отварной рыбы и стакан душистого, пахнущего сухофруктами сладкого компота. И это было так обыденно, что я окончательно отмел мысли о том, что поехал крышей и вижу галлюцинации.

Желудок мог отвыкнуть от твердой пищи, но голос разума уступил голоду, и я набросился на еду с таким рвением, что вскоре стоял в очереди за добавкой.

Там-то меня и нашла поднявшая панику медсестра. А дальше началась такая кутерьма, что я ненадолго даже пожалел, что очнулся.

Для начала меня загнали назад в палату, уложили и приказали не вставать. Потом прибежал лечащий врач и назначил кучу обследований – от магнитно-резонансной томографии мозга до рентгена легких, не говоря уже об анализах всего, чего только можно.

Когда с этим, наконец, закончили, мне привезли ужин и все-таки накормили, но это только раззадорило аппетит, потому что выделили мне лишь тарелочку протертой каши и стакан кефира. Я решительно потребовал еще еды, и в этот момент прибыла тетя Полина с сияющим Сашкой.

Увидев меня – впервые за почти полгода – в сознании, да еще и бурно ругающимся с медсестрой, Сашка издал радостный боевой клич и с разгона запрыгнул мне в объятия. Плачущая от счастья тетя Полина долго прижимала меня к себе, гладила по спине и изливала такой бессмысленный словесный поток, что я перестал вслушиваться, просто греясь в ее и Сашкиных объятьях.

Вокруг нас бегала медсестра, причитая, что я только очнулся, и мне нужен покой, а рядом неловко топтался какой-то нескладный мужчина в военной форме, пока не пришел старенький врач в роговых очках, и тогда все как-то сразу успокоились.

– Полина Александровна… – Доктор откашлялся, а по тому, как он обратился к тете, я понял, что они уже знакомы. – Матвей, меня зовут Ярослав Исаевич Рац, я главный врач отделения нейрохирургии. Видишь, как оно вышло – ты у нас уже шестой месяц, а мы только познакомились.

Он протянул руку, и я пожал ее – маленькую, в старческих пятнах.

– А где Юрий Андреевич? – спросил я.

– Какой такой Юрий Андреевич? – удивился старичок.

– Мой врач. Он часто ко мне приходил, разговаривал со мной…

Доктор переглянулся с медсестрой, и я заметил, как она покачала головой.

– Матвей, ты не мог никого видеть. Ты был в коме, да и занимался тобой только твой лечащий врач. Медбратьев с таким именем я у нас тоже не припоминаю. Возможно, это посттравматический…

– Да нет же, Ярослав Исаевич! Я точно помню! Я его и видел, и слышал!

– Мотька, Моть, успокойся… – Тетя Полина взяла меня за руку. – Слушайся доктора, он же тебе объясняет, что…

Глядя на их обеспокоенные лица, я счел разумным не вступать в споры. Еще не хватало, чтобы меня посчитали сумасшедшим. Нет уж, хватит с меня больницы.

– Да, наверное, – я покивал, закусив губу. – Скорее всего, привиделось. У меня вообще странные сны были.

– Вот и ладненько, – согласился доктор. – Матвей, давай договоримся так. Видишь ли, то, что с тобой произошло, – поразительно. Я не стану тебе морочить голову медицинской терминологией, объясню проще. Ты умирал, причем без всякой надежды на спасение – мозг регрессировал, внутренние органы сбоили и отказывали один за другим. Мы поддерживали систему жизнеобеспечения, но стоило ее отключить, и ты бы не прожил и часа. Но случилось чудо! Чу-до!

Ярослав Исаевич потер ладошки, тепло улыбнулся. Зубы у него были редкие, потемневшие, но улыбка все равно вышла теплой благодаря сеточке морщин вокруг живых выразительных глаз.

– Внезапно, без всяких видимых на то причин и вопреки прогнозам, твой организм начал бороться! – торжественно объявил он голосом диктора советского радио. – Второго января дежурный врач, зашедший тебя проведать, обнаружил позитивные сдвиги в твоих показателях. А уже через сутки…

Возле головы Ярослава Исаевича вдруг проявилась надпись. Точь-в-точь как в моем коматозном сне, даже шрифт тот же – четкий, рубленый, с буквой «о» в виде идеального круга.

Автоматический вывод профиля отключен.

Найт, желаешь получить больше информации об субъекте «Ярослав Исаевич Рац»?

Не поверив своим глазам, я обвел взглядом присутствующих.

– …а ведь подобный случай был зарегистрирован лишь однажды в марсельском военном госпитале в одна тысяча девятьсот… – вещал доктор.

Из слов доктора выяснилось, что мой организм восстанавливался несколько месяцев, но динамика однозначно была позитивной. Тетя Полина, Сашка, медсестра с бейджем «Виктория» и неизвестный спутник моих родственников внимательно слушали, а тетя даже разинула рот – Рац был отличным рассказчиком.

На пороге палаты появился кто-то из посетителей – невысокий щуплый парень, с крашенными в цвет снега волосами, видимо, тоже завороженный лекцией Ярослава Исаевича.

Я снова посмотрел на доктора, и текст был все еще рядом с ним. Парил в воздухе, будто приклеенный к седой голове. Причем, если доктор тряс головой,

текст не дрожал, но стоило ему шагнуть в сторону, как надпись плыла следом. Виртуальная амортизация в действии.

Я перечитал текст, не понимая, как согласиться. Ни кнопок типа «Принять», ничего… «Да, – подумал я, – хочу».

В то же миг этот текст исчез, а над головой доктора проявилась надпись:

Ярослав Исаевич Рац (вне Меты)

Соответствие Мете: 14 %.

Биологический возраст: 72/73.

Отношение: заинтересован.

Я остановил взгляд на непонятной дроби «72/73», и всплыла подсказка: «Объект прожил 72 из прогнозируемых 73 лет жизни. Прогноз основывается на текущем состоянии здоровья и образе жизни. Износ тела: 95,91 %».

Рядом мигал вопросительный знак, и когда я мысленно прикоснулся к нему, внизу поля зрения зажглось прямоугольное окошко с мягко скругленными углами и курсивом:

Прогнозируемый Остаток Жизни (ПОЖ)– срок, который остался человеку при текущем образе жизни. Может изменяться. Рассчитывается методом аппроксимации (максимально приближенно, но не на 99,9 %).

А вот что значит «соответствие Мете» не объяснялось, как и «отношение». Зато возле каждой строчки всплыло предложение оставить или убрать информацию при дальнейших показах профиля.

Ярослав Исаевич закончил объяснения, прочистил горло и сообщил, что они оставляют меня под наблюдением на следующие трое суток, после чего, если не будет никаких осложнений, выпишут.

Когда доктор ушел, я сидел в обнимку с Сашкой, взахлеб рассказывавшим мне о своей нелегкой жизни в первом классе и строгой маме, которая не разрешает ему играть в видеоигры больше часа в день. Тетя Полина представила мне своего спутника – военного по имени Павел Данилович. Он похлопал меня по плечу, пожелал скорейшего выздоровления и покинул палату, сообщив, что подождет снаружи.

– А Вова где?

– А Володя на работу устроился! Водителем в фирму. Самого директора возит! – расцвела тетя Полина. – А Павел – это его какой-то знакомый, Володя попросил его свозить нас в больницу…

– А с твоей машиной что? – удивился я.

– Так Володя же на ней работает, – в свою очередь удивилась тетя Полина моей непонятливости и повторила: – Директора возит.

Мысленно хмыкнув, я решил не вдаваться в подробности. Что там за директор, которого устраивает старенькая машина тети Полины? И что с ее работой? Ей ведь для нее тоже машина нужна… Но настроение было слишком прекрасным, чтобы разбираться сейчас. Выпишут – узнаю.

Мы поболтали еще, а потом меня стало клонить в сон.

– Ладно, Мотька, побежали мы, перед Павлом Даниловичем неудобно. Вернешься домой, что тебе приготовить? Пирожки, как любишь?

При мысли о теткиных пирожках – с луком, яйцом, зеленью, картошкой – я сглотнул. Видимо, мое лицо приняло такое мечтательное выражение, что тетя Полина все поняла и рассмеялась:

– Заметано, племяш. Будут тебе пирожки!

Уходя, они тихонько прикрыли дверь, а я, счастливо улыбаясь, зарылся в подушку и закрыл глаза. Надо отдохнуть, для первого дня после комы событий слишком много.

Но уснуть мне не дали. Благодаря улучшившемуся восприятию, по тихому дыханию и едва уловимому движению воздуха я осознал, что в одиночной палате кроме меня появился кто-то еще. Поднял голову, всматриваясь, но не увидел никого.

– Понял, понял, – произнес насмешливый голос, и из тени в углу проявилась фигура. – Ну, привет.

Это был тот самый невысокий парень с белыми волосами, которого я принял за посетителя. Неуловимым движением он оказался возле меня и присел на стул.

– Нулевой? Понятно, только зашел. А я тут друга навещал, смотрю – на карте метка. Ну, думаю, кто такой? Я вроде всех в этой локации знаю, новичок, что ли? А так и есть – новичок!

Я считал информацию над головой странного визитера:

Скрай, мета-игрок

Заметив, куда я смотрю, он покачал головой:

– Не-не, даже не пытайся. Не выйдет. В этом прогнившем мире всеобщего обнажения душ на публику сохранение анонимности – одно из преимуществ любого игрока.

– Что за игра? – хрипло спросил я. – Что значит Мета? Скрай, тебя вроде так зовут?

– Типа того, хотя Скрай – это ник. Прозвище. А что за игра, что такое Мета и все такое прочее, это не ко мне вопросы. Я так, мимо проходил.

– Но к кому обращаться? Я вправду новичок, но найти того, кто меня в это затащил, не могу. В больнице сказали, что такого человека здесь нет и не было.

– А, так ты у нас не просто новичок, ты рекрут! – Скрай понимающе кивнул. – Понятно, тебя подрубил референер.

– Это еще кто?

– Ну, ты теперь его рекрут-референал. Он тебя подключил, то есть рекрутировал, а значит, какой-то процент от твоих очков развития некоторое время будет идти ему. Ладно, не грузись. Дам тебе совет: не светись особо, разбирайся во всем сам, тихо и молча. Никому не верь – это само собой, в Мете каждый сам за себя, даже если речь о сокланах. С нечистью не связывайся, увидишь кого-то такого жутко странного рядом – руки в ноги и беги. Ну и это… выздоравливай, что ли?

Последние слова донеслись из ниоткуда, Скрай просто исчез. У меня отвисла челюсть, я даже заглянул под кровать, чтобы проверить, куда подевался загадочный визитер. От двери раздался смешок.

Больше меня не побеспокоил никто, и я, поудивлявшись еще какое-то время, спокойно проспал до рассвета.

А с семи утра началась движуха. Меня водили из кабинета в кабинет, проверяя все, что только можно проверить у здорового человека в попытке найти хоть какую-то хворь. Они ничего не нашли. Даже вечно скакавшее у меня давление – и то было идеальным. А самое странное, они не обнаружили никакого нейроморфа. Его будто и не было никогда! Или он как-то растворился в… теле? В мозге? При мысли об этом мне стало не по себе.

К полудню меня оставили в покое, и появилось время обдумать происходящее. То, что оно не укладывается ни в какие привычные рамки, понятно, но хотелось как-то увязать все это воедино.

Первопричиной всего был Юрий Андреевич. Из-за регрессирующего зрения мне не удалось рассмотреть его толком. Единственный раз, когда я заметил хоть что-то, был в ту посленовогоднюю ночь, когда он чем-то протер мне глаза. Высокий, немного сутулый, с узким лицом. Никаких особых примет, кроме имени, которым он назвался. Скорее всего, вымышленного. И еще его слова о том, что

кто-то ему приказал меня подключить к Мете. Кто?

Между делом я спрашивал у пациентов и медсестер, где я могу найти Юрия Андреевича, но все только пожимали плечами – такого никто не знал. Зацепка вела в никуда.

Второй такой же бесперспективной зацепкой стал Скрай. Уже наутро, вспомнив, его исчезновение, я долго пытался понять, не приснился ли мне необычный посетитель? Все было за этот вариант, ведь после ухода родственников я лег спать, тогда-то он и появился. Но то, что Скрай реален, опосредованно подтверждало наличие третьего, последнего звена. Меня.

Меня и моего мета-интерфейса. Я могу сколько угодно сомневаться, не галлюцинации ли эти надписи в моей голове, но ведь я здоров, паралича больше нет. Как спорить с этим? Врачи больницы до сих пор ошеломленно сравнивают результаты обследований!

Пока что Мета только выводила информацию о встреченных мною людях. То есть о том, что в твоей голове есть какая-то штука, дополняющая реальность, так сразу и не догадаешься, лежа в одиночной палате. Я видел мир обычным зрением – никаких виртуальных накладок, показа свойств предметов, индикаторов здоровья и тонуса, вообще ничего. Хотя тот выбор, который мне дали сделать на старте, однозначно свидетельствовал, что Мета сродни компьютерным ролевым играм, ведь там шла речь об уровнях и талантах.

Таланты, точно! Проверять, что в действительности дает мне Скала, я не решился, а вот с Эрудицией возможны варианты. Так… Какую бы информацию попробовать получить? Что-нибудь такое, чего я точно не знаю… Придумав, я задал сам себе вопрос. И…

Ничего не произошло. Я покрутил вопрос в голове, повторил его вслух с разным выражением, но Мета не реагировала. И тогда я послал запрос. Не знаю куда, и не скажу даже, как именно я это сделал, но попытка сработала. Ответ пришел в форме настолько простой, насколько и неожиданной. Никакого появившегося в воздухе окна с текстом, никаких спецэффектов.

Я просто осознал ответ: человек состоит из семи октиллионов атомов. Сработало! Обрадовавшись, я немедленно решил узнать, что такое октиллион,

но что-то пошло не так. Зато Мета снова проявила себя:

Недостаточно м-энергии для активации таланта!

Найт, ты впервые использовал мета-талант.

Любые мета-таланты задействуют особую энергию.

Небоевые мета-таланты задействуют м-энергию, объем которой зависит от твоего показателя «Разум».

Боевые мета-таланты задействуют ф-энергию, объем которой зависит от твоего показателя «Тело».

Внизу появились две шкалы – цветные полоски, слева от которых отображались обозначения типов энергии. Красная отображала ф-энергию, синяя – м-энергию. Почти что индикаторы здоровья и маны, если продолжать аналогию с компьютерными играми.

Вместе с этим я начал догадываться, что Мета из тех систем, где игрока вводят в курс дела постепенно, позволяя ему расширить функционал и элементы управления именно тогда, когда он сам к этому готов.

Хотя была у меня и другая версия. Вся эта урезанность – следствие моего нулевого уровня. Ведь неслучайно после выхода из небытия в моем стартовом профиле упоминался неполный функционал.

Как бы там ни было, пора знакомиться с Метой ближе.

Глава 4. Что такое Мета?

День, в который меня выписали из больницы, я решил считать своим вторым днем рождения. Не ту ночь, когда загадочный референ Юрий Андреевич внедрил мне нейроморфный чип, и не тогда, когда очнулся здоровым, а именно день выписки – как символ моего окончательного перерождения.

Не могу назвать это обыденным словом «выздоровление». Я не просто выздоровел, но действительно стал другой личностью, хотя по документам остался все тем же Матвеем Колесниковым. Только того парня больше нет.

Выписка прошла буднично. Тетя Полина с Сашкой смогли заехать за мной только после обеда, и то на такси. Ее машина все так же оставалась в пользовании Вовы. Как выяснилось, не только машина.

– Интересно, как твоя карта? Ты же мне ее покажешь? – спросил Сашка.

– Конечно! – Я потрепал его по взъерошенным вихрам.

В такси мы с ним сели на заднем сиденье, а с переднего, повернув голову, заговорила тетя Полина.

– Моть, ты только не ругайся… – вздохнув, начала она. – Когда… В общем, когда врачи сказали, что ты не поправишься… Понимаешь, Володе нужно было, для работы. Очень, он там какие-то дополнительные обязанности на себя взял, а без компьютера ему как без рук, понимаешь? – она тараторила, стараясь поскорее все объяснить. – У него карьера в гору пошла, с обычного водителя вырос до…

– Теть Полин, мой компьютер дома? – перебил я ее.

– Нет, Моть, – виновато ответила она. – Володя забрал его на работу.

– Понятно.

Я надолго замолчал, погасив зарождающееся возмущение. На тетю я не обижался, а вот ее хахаль… Ну, этот своего не упустит, а тут все сложилось – я при смерти, комп бесхозный, чего бы и не наложить лапу? Кто в наши дни со своим компьютером в офис приходит? Не удивлюсь, если Вова давно его продал, а деньги слил на спортивных ставках. Было у него такое нездоровое увлечение.

– Мотька, ты же не обижаешься? – Взгляд у тети был растерянный.

Нет, даже это не омрачило радости. Все свои файлы я дублировал в облако, так что переживу. Я широко улыбнулся:

– За что? Все хорошо, теть Полин!

– Я ему скажу, чтобы привез компьютер домой… – забормотала она. – А если не сможет, мы тебе новый…

Увидев родной двор, я почти забыл о возможной потере компа. Сам выбрался из машины, сам вытащил и понес свою сумку, а у подъезда остановился, чтобы вдохнуть полной грудью, посмотреть в голубое небо, увидеть там четко различимую точку далекого самолета и понять – мне это не снится. Признаться, были такие мысли, но последние сомнения выбил наш дворовой алкаш по прозвищу Себастьян:

– Оба-на! Матвей, ты что ли?

Он подслеповато щурил слезящиеся глаза, пытаясь понять, не ошибся ли. Было ему слегка за пятьдесят. Когда-то коренастый крепыш с роскошной кучерявой шевелюрой теперь превратился в сутулого плюгавого мужичка с лысиной, обрамленной засаленными кудрями.

Вместо меня ответила тетя Полина:

– Господи, Себа, опять нажрался? Что ты за человек такой? Он это, он! Матвей!

– Здравствуйте, дядя Себастьян. – Я пожал протянутую руку, всматриваясь в информацию, выданную нейроморфом:

Сергей Назарович Севастьянов (вне Меты)

Соответствие Мете: 4 %.

Биологический возраст: 54/57.

Отношение: крайне заинтересован.

– Ох ты ж ексель-моксель! – замысловато выматерился Себастьян. – Так это же чудо! Я ж думал, что все, схоронили парнягу, прости, Мотька, – на секунду смутился он своих слов, – а оно вон оно как вышло-то, ексель-моксель! И, главное, все думал, как это я такое пропустил, а оно вот что! Так это, Полинка, давай я сбегаю, такое грех не отметить!

– Ты сбегать-то сбегай, – строго, но улыбаясь, сказала тетя Полина. – Да только отметь сам. Мальчику отдохнуть надо.

Крепко сжав полученную купюру, Себастьян стукнул себя кулаком в грудь, кивнул и убежал. Он прихрамывал, но внутренний компас не давал ему сбиться с пути: ломанулся по прямой в сторону дворового магазинчика сквозь кустарник. Смотреть на то, как он не без помощи тети Полины отправляется сокращать и без того недолгий остаток жизни, было больно. Но что с этим делать, я пока не понимал.

Я по привычке собрался с силами, чтобы совершить очередной подвиг и подняться на наш третий этаж пешком, но опомнился. Ведь в больнице с легкостью преодолевал по несколько этажей, изучая возможности нового тела! Нейроморфный чип привел мое здоровье в порядок не только в плане нарушений и болезней, но и развитие улучшил. Укрепился скелет, мускулатура, и все, что мне оставалось, – привыкнуть к новым возможностям и затюнинговать координацию. Припадать на одну ногу при ходьбе я перестал не сразу, мозг слишком привык к старым движениям.

Первым по лестнице взбежал Сашка, за ним через ступеньку шагал я, а позади, отставая, поднималась тетя Полина. Такой процессией мы и добрались к себе, разве что на полпути нас притормозила Раиса Сергеевна, которую мы называли баба Рая. Старушка была зловредная, а к тете Полине относилась неодобрительно, распуская слухи о ее невысоком моральном облике.

Баба Рая недоверчиво оглядела меня с головы до ног. На очередного «хахаля Полинки» я не тянул по возрасту, а для ущербного Мотьки из тридцать шестой

квартиры слишком уверенно двигался.

– Кто это с тобой, Полинка? – сварливо поинтересовалась бабка.

– Племянника выписали! – поспешила поделиться радостью тетя Полина.

– Это какого-такого? Постой, так это Мотька, что ли? А ну поди сюда… – поманила она меня скрюченным артритом пальцем. – Гляди-ка, и правда Мотька. Живой, надо же! И бегает… – Она покачала головой и цокнула языком. – Что медицина творит! За деньги, небось, сейчас все лечат, а? Только откуда деньги, Полин? Мне-то, смотри, какой-то артрит с гастритом вылечить не могут, хотя я в поликлинику каждую неделю хожу, а в больнице…

Она перечислила все свои недуги, высказала все, что думает о современной бесплатной медицине и беспринципных докторах-коновалах, прежде чем мы смогли распрощаться.

Поднявшись этажом выше, мы, наконец, оказались дома.

* * *

«Что такое Мета?», – спросил я еще в больнице, сразу после того как у меня скопилось достаточно м-энергии для запроса. И знаете, какой ответ получил?

Неуспешный запрос.

Не соблюден критерий: людей, знающих ответ на этот вопрос, меньше необходимого.

Вот так. Впрочем, даже это позволило кое-что понять. Таких, как я или тот загадочный парень-невидимка Скрай, на Земле немного. Значительно меньше семидесяти тысяч человек, если я правильно считаю проценты. Эрудиция может дать ответ, только если ответ на вопрос знает не менее чем 0,001 % населения Земли, а это как раз примерно семьдесят тысяч.

В тот же день, запершись в больничном туалете, я провел еще один эксперимент. Стальная вилка, прихваченная тайком из столовой, отказалась втыкаться мне в ладонь. Бил не так сильно, чтобы всерьез повредить руку, но все же достаточно, чтобы хотя бы пробить кожу. Талант, полученный с вхождением в Мету, сработал: вилка скользнула по коже и ушла в стену, на которую я опирался, я же не почувствовал никакой боли. Так, легкое прикосновение… Второй раз пробовать не рискнул – ф-энергия скатилась в ноль и восстанавливалась почти сутки, а без нее талант не сработает.

К сожалению, никакой справки по установленному нейроморфному интерфейсу или встроенной «Вики» я не нашел. Я, честно говоря, вообще ничего не нашел – видимо, сказывался мой нулевой уровень. То есть вроде бы игрок, но неполноценный, с урезанным функционалом. Придя к этой мысли, я грустно усмехнулся – у меня вся жизнь прошла с урезанным функционалом.

Ладно, а как играть в Мету? Ведь в нее нужно играть, правильно? Не просто так же во всех сообщениях упоминалось, что это именно игра… Но как?

Как набирать очки опыта, если они есть, как повышать уровни, что вообще нужно делать – все это оставалось загадкой последние дни перед выпиской. О Мете напоминали лишь инфоблоки про встреченных людей – чем я бессовестно пользовался, навострившись снимать информацию одним мазком взгляда, – и мои «таланты». Скала проявила себя, когда я, задумавшись, врезался на полном ходу в распахнувшуюся дверь. Такие бытовые травмы были мне привычны, и я уже рефлекторно сжался в ожидании боли и слез из глаз. Ни фига. Ударился сильно, но ничего не почувствовал!

Эрудиция же стала незаменимой в решении кроссвордов. Соседи по общей палате, куда меня перевели, увлеченно их разгадывали, и уже к концу первого дня я прослыл знатоком.

– Ну ты, Матвей, голова! – восхитился Леонид Петрович, электрик, сверзившийся со столба высоковольтной линии электропередач. – Тебе в «Свою игру» надо! Или в «Что? Где? Когда?»!

– Да не, – засомневался автомеханик Леха, угодивший сюда после ресторанной драки, как и я, с прошибленным черепом. – Там совсем другой уровень! Эти чертовы кроссворды каждый может решить, их специально делают простыми,

чтобы народ себя умным почувствовал, хоть и дурак! Политика!

Леха поднял палец, цыкнул зубом, и мужики перешли к разговорам о политике. В своих спорах они затрагивали те или иные мотивы правительства, и я активно использовал Эрудицию, чтобы узнать правду. Но правду знало слишком мало человек, так что почти никаких ответов я не получил.

А к моменту выписки из больницы вдруг всплыло уведомление:

Повышен уровень таланта «Эрудиция»: +1.

Текущий уровень таланта: 2.

Умнее я себя не почувствовал, но пользоваться талантом мог теперь в два раза чаще. И м-энергии на это стало хватать, и откат стал короче.

* * *

Дома я с наслаждением растянулся на кровати, вдыхая родной запах уюта. К моей выписке тетя Полина провела генеральную уборку, отстирала и нагладила мое постельное белье, и от подушки шел запах лаванды и свежести. Сашка пристроился рядом и откуда-то из-под моей руки донесся его голос:

– Жаль, что дядя Вова компьютер твой забрал. Может, на мамином посмотрим новую карту для Forgotten Battlegrounds?

– Это вряд ли, Сашка. Ноутбуку твоей мамы сто лет в обед.

– Но хотя бы посмотреть леддер можем? Играют в нее или нет?

– А это идея!

Потрепав его по лохматой голове, я вскочил и пошел в гостиную, где тетя Полина накрывала специально раздвинутый, с праздничной скатертью, стол. Обычно он стоял собранный, в углу, использовался как гладильная доска, но по особым случаям его выдвигали в центр, приставляли к дивану и готовили для приема гостей. А вот так, чтобы без гостей, самим что-то отпраздновать – такое на моей памяти было впервые.

– Теть Полин! – на ходу закричал я. – Дашь свой ноут?

– Мам, нам очень нужно! – на всякий случай заканючил Сашка, бегом опережая меня.

– Да берите, – махнула она рукой. – Только там таблица рабочая открыта, не потеряйте. Сохранишь, Моть?

– Конечно.

Тетя Полина расставляла миски с салатами – оливье, селедка под шубой, крабово-кукурузный. Я почувствовал, как в желудке заурчало. Сашка потянулся за маленьким хрустящим маринованным огурчиком, но получил по рукам:

– Ну-ка! Дождемся Володю и вместе сядем за стол! А сейчас нечего тягать, терпите!

Она перевела взгляд на меня, пока я мысленно облизывался на манящее, покрытое капельками и порезанное на тонкие слои копченое сало. Рядом лежала подрумяненная картошка с обжаренными кольцами лука, селедка в масле, аккуратные ломтики колбасы и сыра.

Сама тетя Полина ничего из того, что на столе, есть не будет. Сколько ее помню, особенно в последние лет пять, так она все время на диете. Как назло, периоды диет приходились на такие вот застолья и праздники, а срывы, куда же без них, на обычные дни, когда и попировать особо было нечем. Ну да, ведерко мороженого, шоколадка, сковородка зажаренной до корочки картошки или миска пельменей, обильно политых майонезом и кетчупом, – это тоже вкусно, но с праздничными блюдами не сравнить.

Я заметил, как тетя, глянув на стол, сглотнула. Тяжело, наверное, готовить всякие вкусности и самой не пробовать.

– Поела бы с нами, теть Полин? – предложил я. – Я читал, неважно, что есть, главное – с калориями не переборщить. Ну и от одного раза ничего не будет…

– Естественно, не будет, – легко согласилась тетя. – Только я себя знаю. Одним разом не закончится, а там и сама не замечу, как плюс пять кило и все платья надо перешивать! Нет уж, на спорт времени нет, так хоть переедать не буду. Я себе грудку отварила, брокколи.

– Фу, брокколи! – скривился Сашка. – Мам, как ты его ешь?

– Как ежик, – грустно улыбнулась тетя. – Плачу, давлюсь, но ем. Талия сама по себе не уменьшится!

Эту песню я слышал уже давно. Тетя Полина билась с лишним весом как берсеркер, но эту вечную битву она проигрывала: с каждым годом ее талия все ширилась, и при определенном ракурсе прослеживался второй подбородок. В джинсы, купленные год назад, она уже не влезала, потому что задняя часть, такая аппетитная, по мнению Вовы, тоже выросла.

По словам тети, лишь только отсутствие времени и дороговизна абонемента в близлежащий фитнес-клуб не давали ей хотя бы закончить битву вничью. Она была уверена, что как только пойдет в спортзал, под руководством личного тренера скинет лишние килограммы в считаные недели. Эта иллюзия утешала ее и успокаивала совесть в моменты срывов.

Подтверждая мои мысли, тетя тяжело вздохнула и сказала:

– Эх, пацаны, мне бы в «УльтраФит» абонемент! Квартал от дома, а там жир сжигать одно удовольствие…

– А что, дорого? – деловито спросил Сашка. – Я накопил немного, Мотька добавит, да, Моть? Давай мы тебе подарим, мам?

– Сопли сначала научись вытирать, сынок! Накопил он! – рассмеялась тетя Полина. – Идите уже! Что вы там искали? Ноутбук? Вот и идите ищите!

– Пойдем, – сказал я Сашке.

Братишка посмотрел на блюда тоскливым взглядом, а я услышал, как в его желудке отчетливо заурчало.

– Ну потерпите уже, пацаны! – воскликнула тетя. – Володя звонил, он уже едет. В магазин только заскочит…

– Хорошо, потерпим, – кивнул я.

Зачем Вова заскочит в магазин, мы поняли и без пояснений. За бухлом. Возьмет бутылочку красного для тети Полины, себе водки. К концу вечера, как обычно, начнутся задушевные разговоры и построения. Подвыпив, Вова любит поучить нас, салаг, армейской жизни и тому, как важно уметь за себя постоять. Все бы ничего, но он начинал нас «тренировать», демонстрируя удары и приемы, а это было болезненно.

Тетя Полина была ему не указ. «В доме должен быть мужик! – пресекал он ее попытки вмешаться. – И этот мужик будет воспитывать мужиков из этих двух пацанов! Потому что кто, если не я? Ты – баба, и твое место на кухне!» Тете нечего было на это возразить. Как воспитывать мальчиков, она не знала – они с моей мамой росли без братьев.

Мы с Сашкой устроились перед ноутбуком – посмотреть, что народ пишет о моей карте. Какое-то время ушло на загрузку игрового клиента – игру на теткином ноуте не запустить, не потянет, но полазить по леддеру команд, карт и почитать, что народ пишет на форумах, мы сможем.

Пока грузился клиент, я проверил почту, но никаких писем от игровиков не пришло, только спам. Было еще уведомление от социальной сети, что мне в личку пришло сообщение от Оли. Она просила проголосовать за нее в каком-то онлайн-конкурсе красоты, но конкурс давно закончился. Я глянул результаты – Оля Воронцова в список призеров не попала.

Сашка все это время провел рядом, но занимался своими делами – сидя на полу, пыхтел и собирал что-то из Lego.

С замершим сердцем я зашел на сайт игры и открыл список рейтинговых карт и полей боя, но своей среди них не обнаружил. Хотя это и понятно, без моего согласия включить карту разработчики не могут. Оставалась лишь надежда на то, что разрабы мне написали на внутриигровой ящик.

Когда клиент загрузился и был установлен, я авторизовался. Через три биения сердца разочарованно выдохнул – никаких новых писем в игровой почте.

Полазив по форуму, я нашел обсуждение моей карты. Ажиотажа она не вызвала, ее признали слишком замороченной и сложной. «Работа вызывает уважение, для сингла самое то. Но в динамике мультиплеера просто нереально достойно оценить все, что в нее заложил Найт», – писал некий Ramzess, и остальные в целом с ним согласились.

Я представил свои ощущения, если бы прочел это тогда – еще калека, возлагающий огромные надежды на эту карту, – и у меня защемило сердце. Не из-за неуспеха моего многомесячного труда, а за себя прежнего. Сейчас же я спокойно закрыл ноут, повернулся к Сашке, улыбнулся и сказал:

– Видишь, они хотят простоты и динамики. Я им устрою динамику! Я им такую карту нарисую!

– Но как? Компа ж нет! – воскликнул он. – А на новый денег нет. Я слышал, мама дяде Володе говорила…

– Будут у нас и деньги, и комп новый, лучше прежнего. Теперь у нас все будет хорошо, Санек!

Я обнял пацана. Наверное, впервые в жизни я и сам верил, что теперь все будет хорошо.

Глава 5. Тактический монитор

Вечер выдался очень теплым и приятным, особенно после всего, через что я прошел. Шутили, смеялись, смотрели какое-то шоу по телевизору. Съели все подчистую, и даже тетя Полина не удержалась и устроила «чит-мил». Это вроде дня в неделю, когда можно есть все и, по словам тети, «ускоряется метаболизм».

Время близилось к полуночи, когда Вова, вспомнив свое армейское прошлое, рявкнул:

– Рядовой Теплов!

– Я! – готовно откликнулся Сашка, поднявшись из-за стола.

– Смир-р-рно! Была команда «Отбой», рядовой! Почему не в койке? Мухой в казарму!

– Есть! – ответил Саня, неловко приложив поврежденную левую руку к «козырьку», сооруженному другой ладонью.

– Упал – уснул! – прорычал Вова ему вслед.

Тетя Полина, прикрыв рот ладонью, зевнула. Она с рассвета драила, чистила, мыла и стирала, потом готовила. Да и меня клонило в сон. Но для Вовы вечер только начинался. Немного убавив громкость музыки, он спросил:

– Ну чо, Матвей, ты уже парень взрослый, здоровый. Какие планы?

– Я бы поспал…

– Да погоди ты со сном! – возмутился Вова.

Тетя Полина укоризненно посмотрела на сожителя, и тот, наклонившись, привлек к себе, чтобы смачно поцеловать. Поцелуй затянулся, а оторвавшись, Вова похлопал ее по бедру и направил мысли разомлевшей тети в нужное русло:

– Давай-давай, милая, мужика растим, а мужик должен уметь чо делать? Правильно, уметь отрываться! – Он налил в мой опустевший стакан из-под сока водки. – Пей!

– Не хочу. – Я отодвинул выпивку подальше.

Стол был убран – горячее съели, салаты тоже, и кроме почти допитой бутылки водки, пакета сока и пустого блюдца ничего не осталось.

– И правда, Вов, – зевнув, сказала тетя Полина. – Только он вылечился, зачем?

– А и ладно, – легко согласился Вова и пристально посмотрел на меня. Взгляд его был жестким и почти трезвым. – Только ты это, мать, давай уже, отдыхай. А мы с Матвеем выйдем прогуляемся.

– Куда это вы на ночь глядя? – вскинулась тетя.

– Как куда? За его компьютером! Я же обещал, что верну? Так чего тянуть? Сейчас в офис прошвырнемся, тут шесть кварталов всего-то. Заодно и голову проветрю, а, Полин? – Вова широко улыбнулся и подмигнул тете. – Ты не жди, ложись. Завтра…

Он запнулся, глянув на меня, и, думая, что я не вижу, потрогал ее зад. Тетя Полина сбросила его руку и кивнула.

– Хорошо. Но вы все-таки не задерживайтесь. Может, я и дождусь… – загадочно бросила она, выходя из гостиной.

Интересно, что именно в этот момент я понял, за что она его любит. Не только за то, как хорош, наверное, он в постели. Думать об этом мне было неловко, но… Стены тонкие, кровати скрипучие…

Было в Вове еще кое-что, за что его обожала тетя. За эту вот открытую и широкую улыбку. Когда Вова улыбался, на щетинистой физиономии проступал образ веселого, легкого на подъем мальчишки. Ровные белые зубы, ямочки на щеках и мелкие сеточки морщинок вокруг глаз, обрамленных длинными, почти девчачьими ресницами… Вот каким он был когда-то. И вот каким она иногда

видела его теперь.

Вова, уже покрывшийся задорным румянцем на скулах, сноровисто опрокинул оставшуюся водку, запил соком из пакета и утерся тыльной стороной ладони.

– Ну, чо расселся, парень? Собирайся.

Я быстро оделся, стараясь не разбудить Сашку, и вышел к входной двери. Вова ждал, слегка покачиваясь, и ухмылялся.

Выйдя из затхлого тепла подъезда в свежесть ночного двора, мы направились к проспекту.

– Прогуляемся, тут недалеко. – Вова хлопнул меня по плечу. – Не ссы, пацан, меня в этом районе каждая собака знает. Не тронут!

В ночь с пятницы на субботу дороги и тротуары полнились гуляющим народом. Призывно светили вывески питейных заведений, слышались смех, крики, разговоры. Мы с Вовой влились в толпу, и всю дорогу он учил меня жизни:

– Я тебе так скажу. Учеба, конечно, дело хорошее, но руки-ноги у тебя теперь правильно прикручены, вон, даже я понимаю, что ты говоришь, – нормальный ты стал парень, Матвей. Самое время хватать жизнь за жопу, а Фортуну за сиськи! Универ-шмуниверр – это для богатеньких бездельников, а нам работать надо. Короче, переводись на заочное, а сам ищи работу. И подкачайся! – Вова загоготал, трогая меня за бицепс. Ну или за то, что у меня его заменяло. – А то телки на дохлых не смотрят, им надо, чтоб здесь было, – он ткнул пальцем мне в плечо. – И еще чтоб деньги в лопатнике! Понял?

Он продолжал меня убеждать и доубеждался до того, что я, по его мнению, уже завтра должен собрать свои манатки и переехать в общагу.

– Ты если стесняешься, я сам могу в твой деканат-ректорат сходить, общагу тебе выбить! Общага – это знаешь как? Это о-о-о! Там такие телочки, закачаешься! А тебе пора, брат, пора… – Он опять заржал. – А то ты, небось, все теребонькаешь? А? А? Ха-ха-ха! Ладно, не грузись, все это, пацан, у тебя в прошлом! О, пришли!

Мы остановились возле вывески «Ставки на спорт! Бар, прямые трансляции. Круглосуточно!».

– Ты здесь работаешь, Вова?

– Я? Не, ты чо. Я в серьезной компании работаю, а это так, зайдем, пару ставок замажемся, футбол посмотрим. Ты же теперь нормальный, должен таким интересоваться, да?

– А комп?

– А чо комп, чо с ним сделается в офисе? А ключи от офиса – вот они, смотри! – Он похлопал себя по бедру. – Ну чо, заходим? Может, хоть сегодня повезет…

Последнюю фразу он пробормотал себе под нос так тихо, что я бы и не услышал, не заполучи вместе с нейроморфным чипом улучшенный слух.

– Давай, давай, парень! Вперед!

Вова отворил тяжелую дверь и зашел. Честно говоря, мне все это было любопытно – в подобных заведениях я никогда не бывал. Я сделал шаг за ним, прикидывая, что там может быть внутри и к чему это может привести…

И как провалился во тьму. Звуки исчезли. Мир вокруг исчез. Не осталось ничего, только текст, зависший в темноте:

Попытка спонтанной активации Тактического монитора.

Мета-игрок удовлетворяет критериям.

Тактический монитор активирован.

Темнота рассеялась, преображаясь в картинку. Я завис над зданием, с которого сняли крышу и все верхние этажи, оставив только тот, где размещалась

букмекерская контора с баром. Фигурки людей внутри двигались, но как-то очень медленно. У входа я заметил зеленый маркер со своим именем. Маркер пересек порог, и теперь стало точно видно, что это я, Матвей Колесников… и в то же время не я.

В левом верхнем углу проявилась шкала скорости хода времени от 0,1x до 100x. Я мысленно потянул ползунок вправо. Скорость движения резко увеличилась: подо мной виртуальный Матвей подошел к виртуальному Вове, стоявшему в зале у кассы приема ставок, потом оба сели за стол. Фривольно одетая официантка принесла им бокалы с пивом. Я смотрел на все это сверху, будто ангел.

Спустя немного времени Вова-2 пошел в уборную, и в это время к Матвею-2 подсел какой-то парень. Все это происходило без звука. Какое-то время я наблюдал за ними, потом отвлекся, рассматривая другие помещения, из которых состоял первый этаж, и поэтому не сразу понял, почему вдруг все находящиеся в зале люди бросились к столу Матвея-2. Парень рядом с ним уже исчез, да и Вова-2 не появлялся. А Матвей-2 неподвижно лежал лицом в стол.

«Вы мертвы», – сообщил интерфейс красным шрифтом.

Моделирование завершено.

Для просмотра иных вариантов развития событий продумайте другую тактику действий.

* * *

Что это было? Я осознал, что время, проведенное внутри Тактического монитора, уместилось в промежуток между вдохом и выдохом.

Первым импульсивным желанием стало разобраться. Такое бывает, когда смотришь какой-нибудь видеоролик, и происходящее в нем настолько выбивается из рамок привычного, что ты спрашиваешь себя: «Что за фигня?» и тут же смотришь еще раз.

Система отреагировала сразу. Жаль только, отрицательно:

Тактический монитор недоступен.

Задайте иные условия или смените тактику действий.

Я почесал голову, вспоминая ключевые моменты увиденного, чтобы изменить «тактику действий», но в этот момент мне в грубой форме дали понять, что место для этого выбрано не самое удобное.

– Твою мать, ты чего застрял на проходе? – ругнулся парень с покрасневшим лицом. – Свали на фиг!

Он оттолкнул меня, выбираясь наружу. Я уловил, как он бормочет себе под нос что-то о несыгравшей ставке и о том, кто еще ему может дать денег взаймы. Причем голос звучал так отчетливо, словно громкость уличного шума кто-то снизил, повернув верньер. Как только я отвлекся от грубияна, звуки быстро вернулись к прежнему состоянию.

Отойдя вдоль наружной стены заведения, я нахмурился. Это было мое будущее, каким оно стало бы, зайди я в заведение вслед за Вовой? То есть ближайшим моделированием событий?

Если вспомнить, что показывала шкала скорости времени, от моего появления до смерти прошло меньше часа. По крайней мере, Вова успел заказать третью кружку пива, прежде чем отойти в туалет. Черт подери, откуда все это в моей голове? Я не заходил внутрь, но картинка каким-то образом показывала происходящее там, словно прямо в мозг мне передавали видеотрансляцию с камеры, установленной над посетителями.

«Смените тактику». Ага, конечно. Кем был тот парень? О чем я с ним разговаривал… то есть буду разговаривать? Что я такого ему сказал, что он так… радикально разрешил конфликт? Куда исчез Вова? Они связаны или нет? Неужели Вова решил меня убить… из-за старого компа?! Ну нет, это уже полная ерунда. Мысли гудели в голове, и тут меня окликнули:

– Вот ты где! Чего застрял? – Вова был возбужден. – Идем, я уже ставку сделал, сейчас начнется! Пиво несут, давай-давай, парняга, шевели задницей…

Под его сбивчивое бормотание я вошел в заведение, решив, что время уйти еще есть.

В футболе я не разбирался никогда, но судя по доносившемуся из телевизора голосу комментатора, показывали матч «Барселоны» и «Реала». В свете того, что мне показал Тактический монитор, засевшая в голове мысль о судьбе компа могла показаться мелочью, но мой компьютер… Для меня он был не просто компом. Во-первых, это была недешевая игровая станция. А во-вторых, тетя Полина брала его в кредит. Мы во многом себе отказывали, чтобы расплатиться. И он для меня был всем: окном в мир, рабочим инструментом, центром развлечений. Да у меня там вся жизнь была!

Когда мы сели за столик, я хмуро посмотрел на Вову, набираясь духа, и выпалил:

– Скажи честно, что с моим компом?

– Да я же сказал, в офисе он! – раздраженно ответил он, продолжая смотреть трансляцию.

– Точно?

– Ну… да, должен быть… – протянул Вова и вдруг взбеленился: – А чего ты напрягся так? Дался тебе этот комп! Рухлядь! Десятка ему красная цена!

– Ты меня извини, Вов, но я тебе не верю. И стоил он намного дороже.

– Так это когда было! – делано возмутился Вова. – Устарел твой комп! Больше за него не давали…

Поняв, что сболтнул лишнего, он тут же поправился:

– Не дадут!

– Продал?

– Ой, Моть, все, хорош, заколебал, давай матч смотреть! Верну я тебе твой комп! Если щас поднимем, так прям сразу после и поедем, выкупим!

– Что поднимем?

– Бабло со ставки. Расслабься, пацан, это верняк. Просто надо, чтобы «Реал» выиграл и…

Глотая пиво, он объяснял свою тактику ставок, а я задумался над своей – представил, что после первого тайма ухожу домой. На этот раз Тактический монитор проявился сразу, оборвав шум телетрансляции, гомон публики в зале и говорок Вовы.

Я повысил скорость отображения будущего в несколько раз. Закончился первый тайм, Матвей-2 попрощался с Вовой-2, встал из-за стола и направился к выходу. Камера Тактического монитора вдруг дрогнула и начала движение за моей фигурой. Душный зал сменился ночной улицей. Матвей-2 спокойно вышел и легкой трусцой побежал в сторону дома. Досматривать смысла я не видел и ускорил скорость показа.

И зря. Через секунду Матвей-2 снова погиб. Какая-то темная тень отклеилась от стены здания, метнулась к нему и тут же исчезла. А я-2 остался лежать на мокром асфальте в луже крови.

Вы мертвы.

Конец моделирования с заданными условиями тактики действий.

– Гол! – заорал Вова, возвращая меня в реальность.

– Гол!!! – орали люди вокруг.

Вопили, правда, не все. Болельщики сине-гранатовых, то есть те, кто за «Барсу», как успел просветить меня Вова, мрачно молчали. Кто-то в сердцах даже

треснул бокалом о пол. Вдребезги.

– Кретин! – заржал мой спутник. – Поставил на «Барсу», кретин! Как Месси ушел, дела у них совсем…

Я его почти не слушал. Кто так серьезно нацелен меня убить? И почему? Неужели это все же он, неопрятный полупьяный сожитель моей тети, который сидит напротив и что-то возбужденно вещает, размахивая руками. Этот человек нанял киллера? Договорился с кем-то из своих дружков? Но зачем, зачем?! К тому же в движениях того силуэта на Тактическом мониторе было нечто… не то чтобы совсем нечеловеческое, но нечто странное.

Сердце громко стучало, отдаваясь толчками крови по всему телу. Если после первого Тактического монитора я не воспринял все это всерьез, то сейчас пришло понимание – меньше, чем через час, я буду мертв.

Глава 6. Перед лицом неминуемой смерти

Использование Тактического монитора отнимало м-энергию, но относительно немного. Куда меньше, чем Эрудиция. Так что к перерыву матча я прогнал будущее еще несколько раз, изощряясь в выдумывании тактики действий.

Я старался держаться возле людей, не отходил от Вовы, вызывал такси и ехал домой – все тщетно. Молодой мужчина внезапно оказывался рядом и убивал меня. Черные джинсы, легкая кожаная куртка, под ней худи, капюшон скрывает лицо. Двигался он быстро, превращаясь в размытую тень, но на максимальном замедлении я покадрово рассмотрел, как он меня убивает, хотя вид сверху не позволял разобрать детали. Скорость регулировалась, а зум отсутствовал.

Он убивал меня внутри салона такси, у писсуара в туалете, куда я пошел вслед за Вовой, у барной стойки. И этот миг близился неотвратимо.

Вова пошел вразнос – «Реал», на который он поставил, вел уже два-ноль, а пиво лилось рекой. О моем присутствии он почти забыл, активно названивая некой Ларисе, администратору сауны, куда собрался после мачта. Поймав мой

укоризненный взгляд, Вова запнулся, расплылся в ухмылке и подмигнул. Похоже, с идеей сделать из меня мужика он еще не расстался.

Главное, что я понял из Тактического монитора – ни мой спутник, ни кто-либо из присутствующих не несут для меня угрозы, но и помочь они ничем не могут. Здесь все возбуждены и пьяны, так что меня с одинаковым успехом убивали и внутри, и снаружи. Кто бы ни был тот парень, подвергать риску присутствующих я не хотел. Дождавшись, когда прозвучит свисток на перерыв, а Вова, радостно пританцовывая, пойдет в туалет, я заграбастал со стола нож для стейка и быстро вышел на улицу.

Благодаря монитору я уже хорошо представлял себе весь ближайший квартал. Кстати, м-энергии осталось меньше трети, вскоре использовать талант не получится. Что делать? Я шагал по пустой улице, лихорадочно размышляя и чувствуя себя беспомощным. Ни разу в жизни мне не приходилось участвовать в настоящей драке! С моим-то недугом… Ладно, если реальный опыт не поможет – вдруг поможет игровой. Что придумать? Вот, допустим, Counter-Strike… Нет, это командный шутер, и там в основном стреляют, мне это ничего не даст, нужна сингловая игра с подручными предметами. Tom Clancy's? Если вспомнить последнюю часть, когда его посылают на Тайвань…

Вот-вот объявится человек-тень, и мне конец. Я еще раз включил монитор. М-энергии почти не осталось. Тот пустой дворик метров за сто отсюда… Что там возле стены справа, перед окном? Почти бегом пройдя полквартала и свернув под арку, я вошел во двор. Вспомни The Last of Us 3, Матвей! Ту сцену, когда на героиню нападают культисты… Вспомнил? Теперь действуй!

Здесь было темней, чем на улице, я едва видел окружающее. Оглядевшись, присел над канализационной решеткой. Положил нож на асфальт, схватился за решетку, с трудом приподнял край, подтянул к себе. Решетка тихо лязгнула. Подхватив нож, я перешагнул через нее и сильно ткнул локтем в наполовину разбитое окно, за которым была то ли какая-то заброшенная кладовка, то ли дворницкая. Стекло треснуло, и я схватил голой ладонью длинный осколок. Прислонился к стене боком, крепко стиснув нож. Осколок был в другой руке, скрытой моим телом.

Прокрутил Тактический монитор еще раз: Матвей-2, прижавшись к стене, стоит и озирается; из-под арки возникает фигура парня, смазывается в воздухе и… Монитор погас – м-энергия закончилась. Черт! Надо было меньше включать его в

заведении!

Спокойно. Глубокий вздох. По крайней мере, теперь я знаю, откуда он появится.

«Ш-ш-ш-шух!» – с едва слышным шелестом под аркой материализовался мой убийца.

На мгновение он остановился, оглядываясь в полутьме, и уверенно двинулся ко мне. Сделав пару шагов, размазался в воздухе.

А потом я ощутил сильный удар в грудь.

Активация таланта «Скала»!

Предотвращен смертельный урон.

Объем ф-энергии: 2 %.

Оценочное время восстановления до повторного использования: 21 час 36 минут.

Повышен уровень таланта «Скала»: +1.

Текущий уровень таланта: 2.

Знаете это избитое выражение – «перед лицом неминуемой смерти»? В тот момент я прочувствовал его на себе. Когда умирал в больнице, было совсем другое – не так внезапно, в тот раз я успел свыкнуться с мыслью о смерти. Но сейчас… Ведь еще час назад я праздновал свое выздоровление, строил планы на жизнь!

Я вытянул вперед руку с ножом, пытаясь защититься и оттолкнуть напавшего. Краем глаза разглядел над ним мелко дрожащее, смазанное, бледно-серое системное окно, надписи в котором прочесть было невозможно.

??????????? уровень

Класс:???

Вид:???

Происхождение:???

Еще удалось рассмотреть узкое лицо, тонкие брови, тесно сомкнутые губы. Взгляд убийцы выражал легкое, только-только начавшее проявляться удивление оттого, что его удар не прошел. Губы разомкнулись, обнажая белоснежные зубы, рука, врезавшаяся мне в грудь, пошла назад, и с этого момента я начал понимать, что передо мной не совсем человек. Вернее, совсем не человек.

Я подался в сторону, и существо мгновенно переместилось следом.

Конечность, которую я принял за руку, будто втянулась в его плечо, оказавшись чем-то вроде щупальца с острым поблескивающим жалом. Лезвие ножа удивительно легко вошло в бок твари. Она зашипела, застрекотала и, неестественно изогнувшись назад, вырвала нож из моей руки. Резко качнулась вперед, собираясь укусить меня. Пасть раскрылась, показав частокол заостренных зубов. Между ними скользнул темный, длинный язык, и тогда я с громким выдохом воткнул в пасть тонкий осколок, который сжимал в другой руке.

Тварь сжала зубы так, что стекло хрустнуло. Внутри нее как будто что-то порвалось, звук был странный, словно лопнуло что-то туго надутое. Мне в лицо пахнуло отвратительным запахом, не вызывающим никаких ассоциаций, абсолютно незнакомым.

Поперхнувшись, убийца пнул меня в грудь другой рукой, отшвырнув назад, и я спиной высадил разбитое стекло в окне дворницкой. Нижний край проема находился на высоте поясницы. Перевалившись через него, я рухнул внутрь темного помещения, взмахнув ногами, хорошо, что упал на какую-то ветошь, но все равно прилично стукнулся затылком. В проеме снаружи замаячил силуэт

незнакомца, он полез за мной. Двигалась ночная тварь дергано, ее качало – как будто удар стеклом перерубил внутри нее какой-то важный узел, ответственный за вестибулярный аппарат или координацию. Длинный осколок все еще торчал из пасти, так похожей на человеческий рот, и это выглядело дико неестественно.

Отползая на спине, я лихорадочно огляделся, схватил стоящее под стеной ржавое железное ведро и, рывком сев, запустил им в голову твари. Это ее замедлило, но не остановило. Неловко двигая одной рукой, все еще имеющей вид вполне человеческой, и качая перед собой щупальцем с жалом, она протискивалась в дворницкую, явно намереваясь покончить со мной. Наружу вела дверь слева, но когда я вскочил и навалился на нее, выяснилось, что она заперта. Что делать?! Тварь уже почти пробралась внутрь, а мне отсюда некуда деться! Взгляд наткнулся на штыковую лопату, стоящую в углу рядом со шлангом, висящим на длинном гвозде свернутым кольцами. Длинная, черная, тяжелая… Прежде, чем тварь оказалась внутри, я схватил лопату и, выставив перед собой, с отчаянным вскриком бросился вперед и вонзил ей в шею.

В момент тычка тварь находилась в шатком положении прямо в проеме окна, а я, подстегнутый страхом и отчаянием, ударил очень сильно. Убийцу выбросило наружу, он отшатнулся, семеня прочь от дворницкой, – и наступил на сдвинутую мною решетку, которая теперь лишь на треть прикрывала прямоугольное отверстие канализационного слива. Решетка приподнялась одним краем, и тварь с пронзительным шипением провалилась вниз. Над нею железо громко лязгнуло об асфальт. Я мгновенно выскочил следом. Бросившись на колени, с размаха двумя руками метнул лопату вниз, будто копье. Из-под земли донесся глухой удар и придушенный хрип. Сдвинув решетку, я плотно закрыл ее.

Несмотря на прохладную ночь, пот лил с меня градом, а сердце громко колотилось в груди. Выпрямившись, я ошарашенно огляделся, посмотрел на решетку, под которой было тихо, и затем быстро вышел со двора, машинально отряхивая руки и вытирая рукавом лоб. Та ладонь, которой держал стекло, немного побаливала.

Через полквартала сердце немного успокоилось, я начал мыслить более связно. Продолжая быстро шагать прочь от места схватки, определил, что м-энергия успела частично накопиться, и задействовал Тактический монитор, представляя, как возвращаюсь домой и… просто ложусь спать. А если отправиться бродить по ночным улицам? Или вернуться к Вове…

Трижды монитор показал, что тварь больше не нападет на меня. Я держал последний вариант, пока хватало м-энергии, и через час условного времени Матвея-2 моделирование завершилось:

Достигнут максимальный горизонт моделирования.

А вообще, это странно. Я – нулевого уровня, никакими классами пока и не пахнет, а Тактический монитор тем не менее сработал, причем абсолютно спонтанно. Мне нужна была информация, но для начала нужно хотя бы вернуть свой комп. Полазать в интернете, попробовать отыскать какие-то сведения, слухи…

Руки у меня дрожали, и волнами накатывал страх, хотя монитор однозначно дал понять, что больше тварь не появится. Что это вообще за монстр, откуда он взялся? Вопрос крутился в голове, и каждый раз его сопровождала волна ледяных мурашек, скатывающаяся по спине. Вокруг нас, в городе, на обычных улицах, обитают такие твари? Теперь мне жить с этим знанием!

Домой я все-таки не пошел. Вместо этого, прогнав монитор еще раз, только с другими условиями, вернулся к Вове, едва сдерживая нервное возбуждение. Он, если и заметил мое отсутствие, ничего не сказал. Поглядывая краем глаза на монитор телевизора, Вова игриво общался с официанткой и планомерно напивался. Когда официантка ушла, я попросил:

– У тебя деньги еще есть?

– Ну… допустим, – кивнул он. – А чо?

– Можешь одолжить до завтра? Мне немного, тыщ пять. Я верну.

– Да легко! – Он выудил из бумажника купюру и протянул мне. – А ты куда собрался?

– Устал, хочу отдохнуть. Домой пойду, посплю. Завтра много дел.

– Ну ладно, – отмахнулся Вова. – Иди себе, я все равно потом к другу собирался…

– К Ларисе? – вырвалось у меня.

– Ага, – осклабился он. – Эй! Ты только тетке не говори! И вообще, не думай там ничо! Храню верность Полинке! Мы с Лариской только друзья…

Его язык заплетался, и эти пьяные откровения слушать мне не хотелось. Пусть сами с тетей Полиной разбираются. Время поджимало.

С полученными от Вовы деньгами я подошел к окошку приема ставок и поставил на победу «Барселоны». До конца матча оставалось меньше четверти часа: «Реал» все так же вел два-ноль, но я был уверен, что «Барса» не просто отыграется. Она выиграет, забив три гола в последние десять минут матча. Причем последний – в добавленное судьей время. Тактический монитор позволил увидеть финальный счет.

Ставка Вовы сегодня не сыграет.

Глава 7. Брат за брата

На ладони после стекла осталась лишь тонкая розоватая линия, будто заживающий след царапины. Уже к вечеру она исчезла. А ведь я тогда сжимал осколок так крепко, что острый край должен был до мяса располосовать руку.

На следующий день, в субботу, успев немного прийти в себя и отойти от ночной схватки, я забрал выигрыш – в четырнадцать раз больше, чем поставил. Не имея подобного опыта, ожидал подвоха, но все прошло очень буднично: меня пропустили внутрь, едва я показал квитанцию, а девушка-кассир приняла ее, отсчитала деньги и… все. Разве что одобрительно улыбнулась, увидев коэффициент.

Дома я вернул долг мучавшемуся похмельем и злющему после обидного проигрыша почти выигранных денег Вове, а сам поехал в магазин. Про компьютер мы с ним больше не говорили, все и так было понятно. Зато моего

выигрыша хватило, чтобы купить игровой ноутбук.

Конечно, я попробовал выиграть еще. Вернее, сделал попытку предугадать исход спортивного события. Поставил ноут так, чтобы видеть монитор сверху, сам сел рядом и попытался активировать Тактический монитор.

Ни фига не произошло. Ни в этот раз, ни во все последующие, как бы я ни пытался, как бы ни морщил лоб, монитор не включался. И никаких пояснений от системы.

Единственное, что я вынес из той ситуации – Тактический монитор у меня был какой-то неполноценный. То ли он срабатывал во время смертельной опасности, то ли, что скорее, ему не хватало вводных данных. Я склонялся к этой версии, ведь у меня и персонаж, так сказать, неполноценный – нулевой.

Часа три я просидел в интернете, пытаясь найти упоминание человекоподобной твари с остроконечными зубами и увенчанным жалом щупальцем вместо руки. И неожиданно обнаружил нечто любопытное на сайте, посвященном городским легендам.

Раньше я обходил подобные места в сети стороной, считая их пристанищем сумасшедших разной степени безумия. И, как выяснилось, в общем-то, не ошибался, всяких психов там оказалось хоть отбавляй. Но один из этих психов, завсегдатай сайта «Паранормальный город» под ником Father Gregory, описывал в комментариях, что видел «зубастую тварь, которая двигалась как тень, с щупальцем и жалом вместо руки». Она якобы напала на девушку и затащила ее в темный переулок.

Хотя почему – «якобы»? Теперь я другими глазами смотрел на переписку всех этих фриков. Может, они совсем и не психи? Или кто-то из них стал таким именно после встречи с созданием вроде того, что напало на меня? Какие еще зловещие существа скрываются среди обычных городских улиц и окраинных кварталов?

Пообщаться с Father Gregory, увы, не получилось, последнее его сообщение было трехмесячной давности. Он в нем писал: «Собираю команду смелых парней, чтобы охотиться на исчадия тьмы. Устроим им собственный Рейвенхолм!» – и после этого уже не появлялся. Оставалось только гадать, что стало с ним и с его

командой…

Остаток субботы я занимался настройками ноутбука, установкой пакета программ и игр. Сашка мне в этом активно помогал, но был какой-то квелый, его даже не радовала мысль, что он вот-вот сможет поиграть в свой любимый Minecraft. Его игровая консоль сломалась, Вова отнес ее «на ремонт», и тем все и закончилось. Кажется, даже сам Сашка понимал, что больше не увидит свою старенькую PlayStation.

– Случилось чего, Саш? – не выдержав, спросил я. Он редко дулся и был без настроения, только когда болел. Сейчас же он вроде абсолютно здоров. – Ты сам на себя не похож.

– Да… – Неопределенно махнув рукой, он отвернулся.

– А ну давай, колись. Что случилось?

– Ничего, – буркнул Сашка.

– Саня, ну ты чего? – Я взял его за голову и посмотрел в глаза. – Мы же договаривались? Мы братья и ничего друг от друга не скрываем.

И тут Сашку прорвало. Захлебываясь слезами, он рассказал, что во дворе появился новый мальчик на несколько лет старше, по имени Раф, и, едва появившись, он тут же начал устанавливать свои порядки. А когда кто-то возмутился, пришел старший брат Рафа и, дав под дых для профилактики «самым борзым», подкрепил статус новичка. Досталось и Сашке, причем вообще ни за что, и теперь его и еще нескольких малышей этот Раф гонял, заставляя выполнять всякие поручения.

– Маме говорил?

– Нет, ты чего! – возмутился Саня. – Западло!

– А Вове?

– Ага, конечно, – кивнул брат. – Зачем? И так смеется надо мной постоянно…

– Так, понял. Идем.

Я помог подняться упирающемуся Сашке и потащил на выход. Сколько мне пришлось перенести насмешек и издевательств во дворе! При одной мысли о том, что нечто подобное светит братишке, я закипел.

– Где он? – спросил я на улице.

– Вон, – показал Сашка на группу подростков, сидевших в беседке. Он остановился и, покраснев, попросил: – Мотя, не надо… Скажут, что тебе наябедничал, больше проблем будет… Они богатые, у них ларек свой на базаре. Итальянской обувью торгуют. Не надо, Моть!

– Да кто тебя только научил этому? Ты мой брат, это нормально – делиться с братом такими проблемами, понял? Этому уроду, значит, можно звать на помощь братьев, а тебе нет? Идем!

Сашка что-то не договаривал, а что именно, я понял, когда увидел того самого Рафа. По уверениям «Меты», ему было тринадцать, но выглядел он на все шестнадцать. Похоже, Сашка по привычке все еще стеснялся меня или боялся, что и мне достанется.

Внешне уверенно я направился к обидчикам брата, подавляя в себе застарелые комплексы. Остановился перед ними, ожидая, когда на меня обратят внимание. Наконец, их беседа стихла, и все посмотрели на меня. Сашка стоял рядом, я держал его вспотевшую ладошку.

– Ты Раф? – обратился я к самому толстому.

– Я – Рафаэль, – ухмыльнулся тот. – А ты еще кто?

– Матвей. Я брат Саши. Еще раз услышу, что ты его обидел, будешь иметь дело со мной. Понял?

– Понял, – осклабился тот. – А что, он уже жаловался, что его обидели? Эй, Сашок, ты чего?

Сидящие вокруг пацаны с готовностью рассмеялись.

– Так это же Мотя-шмотя! – истошно заорал какой-то пацан. – Мотя-дурачок!

Он, кривя губы, изобразил мою старую манеру разговаривать, чем вызвал новый взрыв смеха. Я почувствовал, как сжимаются кулаки, но сдержался. Это же дети, что мне, драться с ними? В любом случае получалось, что я теряю лицо. Уйду – струсил, начну драться – на детей руку поднял. Дилемму разрешил сам Раф.

– Вон брат мой с отцом. С ними поговори. – Он спрыгнул с перил беседки, на которых сидел. – Щас позову. Сашок, а ты не прав! Будешь должен!

Раф подошел к грузовичку, у которого стояли усатый толстый мужчина и парень. Судя по идентичной фамилии, показанной мне системой, отец и старший брат. Что-то сказав им, Рафаэль показал на меня и вальяжно пошел к нам. Сплюнув, за ним направились отец с братом. Последний, кажется, пытался заранее задавить меня психологически и на ходу бил кулаком о ладонь.

– Послушай, уважаемый… – Отец Рафа остановился передо мной и сделал паузу.

– Матвей, – сказал я.

– Тимур меня зовут, – представился тот в ответ. – Матвей, уважаемый… Мы здесь люди новые и не хотим ссор. Зачем нам конфликты? Это же дети, а дети сами разберутся!

– Дети разберутся сами, но воспитывают их родители и старшие братья, уважаемый Тимур. Поэтому я настоятельно прошу вас поговорить с сыном – пусть перестанет лезть к малышам. Моему братишке всего семь лет, у него свой круг общения.

– Обязательно поговорю, Матвей, – заверил меня Тимур. – Обязательно!

Похлопав меня по плечу мясистой ладонью, он вернулся к грузовику. Однако его старший сын Камиль остался, насмешливо поглядывая на меня. Он был моим ровесником, но выглядел опасно. Поджарый, с бурлящей внутри энергией, из-за чего движения его казались пружинистыми и резкими.

Сверкнув белозубой улыбкой, он качнул головой:

– Пойдем?

– Куда?

– Туда можно, – он неопределенно повел рукой в сторону арки. – Чтобы без свидетелей.

– Зачем?

– Не ходи, Мотя! – Сашка повис на руке. – Он тебя убьет! Он борец! Чемпион…

Отодвинув братишку, я приблизил лицо к лицу Камиля и процедил:

– Еще раз ты или твой брат обидите моего Сашку – я вас убью.

Тот скривил рот и чуть задрал голову. Зачем он это сделал, я понял в следующий миг, когда он схватил меня двумя руками за уши и резко потянул на себя, чтобы ударить лбом в лицо.

Активация таланта «Скала» оказалась как никогда кстати. Если честно, нечто подобное я и прогнозировал, провоцируя Камиля именно на глазах у дворовой пацанвы. Крушить авторитеты надо прилюдно, иначе не считается, да и не поверят.

Если бы брат Рафа решил вот так, со всей дури, пробить лбом бетонную стену, получился бы примерно такой же эффект. Он не просто расшиб себе голову – его ноги подогнулись, и он свалился на землю, а меня всего лишь слегка качнуло назад.

У ребят отвалились челюсти. Я, не давая им времени прийти в себя, нагнулся над Рафом, схватил за ворот модной рубашки и зловеще выдохнул в лицо:

– Тронете брата – пожалеете. Понятно?

Раф ошалело закивал.

– Молодец. И от других малышей отстаньте. Тронете – я узнаю!

Отходя от корчившегося Камиля, я услышал, как его подскочивший отец злобно что-то говорит не по-русски. Я остановился. Развернулся к присевшему на корточки у тела сына Тимуру:

– Вы что-то сказали, уважаемый?

Взгляд, полный ненависти, мог бы прошить насквозь, но он лишь покачал головой и выдавил улыбку:

– Ничего, парень, ничего. Вы подростки, вы сами разберетесь… Никаких обид!

* * *

Вечер прошел как-то скомканно. Саня воспрянул духом. Выпросил ноут и, дождавшись установки любимой игры, тут же с головой ушел в нее. В таком приподнятом настроении ему даже плохо действующая рука почти не мешала.

Ну а я занялся разбором старых вещей. Новая жизнь подразумевала новые вещи, ту же одежду, например, но денег на это пока не было. Тем не менее я без жалости собрал в кучу все годами заношенное, залатанное и тысячу раз перестиранное и вынес во двор.

– Добрый вечер, баба Рая!

Старуха Сергеевна сидела у подъезда и качала коляску, в которой посапывал ребенок. При виде меня она заинтересованно прищурилась и поманила к себе. Я нехотя подошел. Что-то в ней всегда меня отвращало – то ли фальшивое проявление заботы и сочувствия, то ли вполне искренняя озлобленность и ненависть ко всему и ко всем.

– Кому добрый… – пробормотала она. – А кому и… Ты куда это такой красивый намылился, Мотя? И что у тебя там?

– Старье несу выкидывать. А вы кого нянчите?

– А шут его знает! – воскликнула Сергеевна. – Святозар? Ярополк? Из каких древних преданий только имен понабрались? Вот, привезли. Сами гулять поехали, а мне, старой, с их дитем сиди!

– Так вы же не бесплатно.

Старуха не первый год подрабатывала нянькой. Молодые родители давно знали, что в нашем доме есть Раиса Сергеевна, которая за пять сотен в час посидит с ребенком.

На мои слова старуха отреагировала с негодованием и разразилась речью, из которой следовало, что на те деньги, что ей платят, ничего не купишь, и делает это она из любви к детям. Дослушивать я не стал, просто вежливо согласился с нею и ушел.

И только отойдя на несколько шагов, сообразил, что же меня смущало в старухе. Оглянувшись, мазнул взглядом по информации, показанной Метой:

Раиса Сергеевна Гадра (вне Меты)

Соответствие Мете: 78 %.

Биологический возраст: 179/181.

Отношение: равнодушна.

Я некоторое время пялился в цифры, не веря своим глазам, но ни возраст Сергеевны, ни прогнозируемая величина жизни не менялись: 179/181. Не иначе, какой-то сбой. Баг. Глюк.

Вернувшись домой, я между делом поинтересовался, как давно тетя Полина знает Сергеевну, но ничего нового не услышал:

– Ну, как переехали сюда лет шесть назад, с тех пор и знаем ее, – удивилась вопросу тетя. – Ты чего, Моть? Вроде не маленький был, должен помнить.

Вова к тому времени уже оклемался и, выпросив у тети Полины денег, пошел играть в карты с какими-то знакомыми. Его активному жизненному стилю можно было позавидовать – ни дня без встреч с друзьями. Спорт, покер, боулинг, бильярд, просто походы в питейные заведения… Вот только обходилось это недешево, особенно учитывая его азартность, а потому давно задуманная тетей Полиной замена старого холодильника на новый все время откладывалась. И это заставило меня задуматься о том, как использовать свои возможности для заработка денег.

Полночи я ворочался, думая, а потом и весь следующий день размышлял. Записывал все идеи, даже самые бредовые. Появилась даже совсем идиотская мысль выступать в цирке со смертельным номером. Не знаю, с каким… например, отбивать пули лбом или прыгать из-под купола цирка и не разбиваться… Но в итоге все это ушло в список дурацких идей. Рисковать жизнью и привлекать лишнее внимание глупо.

Туда же были отправлены идеи с игрой в казино – похоже, Тактический монитор не предназначен для подобных вещей. Лучше что-то более реалистичное: возобновить учебу в универе, искать работу и… поучаствовать в какой-нибудь интеллектуальной игре. Эрудиция позволяла надеяться, что я смогу ответить на любой каверзный вопрос, вот только нужно развить способность. Скорость восстановления м-энергии дает возможность использовать талант не чаще, чем раз в несколько часов. Промежуток времени варьировался и, видимо, зависел от того, насколько я устал и как отдыхаю.

В общем, воскресный день ушел на планы, на дом, на Саню, которого я с удовольствием сводил в кино, и на поиски информации. Последнее, впрочем, новостей про Мету никаких не дало.

Выздоровление и вдруг ставшая нормальной жизнь – в сравнении с той, что у меня была, – повлекли за собой кучу вопросов. Что с универом? Как там мои сокурсники? Они навещали меня пару раз, когда я только попал в больницу, но потом не приходили… забыли про меня – и мне про них забыть? Где искать работу? Стоит ли продолжать жить с тетей или…

Многое из того, что казалось таким важным раньше, потеряло краски и больше не пробуждало почти никаких эмоций.

Честно говоря, даже идея разработки карты для Forgotten Battlegrounds не вызвала былого воодушевления. Сашка ныл, уговаривая меня заняться следующей картой – попроще, подинамичнее. Но мне совсем не хотелось. Я честно попробовал открыть редактор и… потупив с часок, закрыл, даже не сохранив проект. Если вдохновения нет, то ничего с этим не поделаешь. Многодневное просиживание за игровой картой казалось нерациональным расходованием времени.

Уже вечером, возвращаясь из кинотеатра, мы с Сашкой встретили покачивающегося дядю Себастьяна. Дворовый алкаш на мой вопрос сумел ответить не очень вразумительно:

– Баба Рая? Эта старая карга? Да сколько я тут живу, столько и она, только раньше в другом доме жила! Я с армии вернулся, а она уже тогда была бабой Раей, прикинь! – Он поднял палец и, всмотревшись в него, многозначительно добавил: – Вечная! Бабка, Мотя, это не возраст! Это – состояние души!

И, заплетая ноги, Себа побрел прочь, по каким-то своим важным делам.

Глава 8. Брейншторм

Утро понедельника погрузило меня в подзабытую суматоху начала недели. Тетя Полина собирала Сашку в школу, готовила завтрак и красилась одновременно. Вова, почесывая голое пузо и зевая, занял ванную комнату минут на двадцать. Пришлось мне спешно умываться и чистить зубы над кухонной раковиной.

– Так что решил-то, Моть? – в очередной раз спросила тетя Полина. Она убеждала меня не спешить и дождаться следующего учебного года, чтобы повторить пропущенный курс. – Может…

– Поговорю с деканом и решу, – ответил я, прожевав бутерброд. – Год не хочется терять, попробую договориться: восстановиться и сдать пропущенную зимнюю

сессию. Потом активно займусь учебниками и лекциями, буду готовиться к следующей сессии.

– Что? – чуть не поперхнулся вышедший наконец из туалета Вова. – Матвей, охота тебе время терять? Я же тебе говорил, иди работать! Заживешь самостоятельно…

Вчера вечером он снова уходил, а потому не знал моих дальнейших планов. Мое решение продолжать учебу энтузиазма в нем не вызвало. Ему хотелось, чтобы я перестал висеть мертвым грузом на и без того небольшом семейном бюджете. Правда, его проигрыши отжирали куда больше, чем я, но он почему-то помнил только о выигрышах. Проигрыши не считал – проиграл, забыл и будто и не проигрывал.

Но говорить всего этого я не стал. Опыта в таких делах у меня ноль, а предыдущих ухажеров тети Полины я помнил. Начнешь ей открывать глаза на их недостатки – и только хуже сделаешь. Любить их меньше она не перестанет, но расстроится, что в доме конфликт, и ее любимый племяш не уживается с очередным дядей Колей, Глебом или Маркизом. Был и такой – Марк, тощий интеллигент-алкоголик, Тютчева цитировал да Омара Хаяма. Все время требовал называть себя Маркизом – мол, голубых кровей и не потерпит иного обращения. Чучело. Я уверен был, что тетя Полина рано или поздно выгонит его ссаными тряпками, но вышло иначе. Этот Маркиз однажды совсем перешел через край и привел какую-то женщину, спьяну решив, что моей тети нет дома. Зато дома был я – я и выкинул обоих, ухитрившись от ярости сделать это, даже невзирая на свою болезнь.

Вова сослался на то, что его срочно вызывают в офис, и ушел первым. Пока я лежал в больнице, машина окончательно перешла к нему, но оставлял он ее на паркинге компании, в которой работал. Туда он добирался пешком.

Из-за этого тетя Полина передвигалась по городу общественным транспортом, но лелеяла надежду, что со временем они с Вовой купят в кредит машину и ей. Пусть даже сильно подержанную. С ее работой это просто жизненная необходимость.

– А знаешь, Моть, машина – это же просто жестянка. Инструмент для работы, – сказала она в ответ на мои возмущения. – У нас некоторые девчонки на работе

на новых «Шевроле» да «Рено» ездят, а толку? Мужика-то нет! Мучаются от одиночества! А у меня Вова есть. Знаешь, какой он?

– Знаю, теть Полин, знаю… – вздохнул я. – Он у тебя хороший.

Она никогда не ценила вещи больше, чем они стоили. Отношения с Вовой ей были намного дороже, а для меня важным было ее счастье.

Мы дошли до метро, а оттуда разошлись – я в универ, а тетя повела Сашку в школу, откуда сама поедет на работу.

Стоя в переполненном вагоне, я искоса разглядывал пассажиров, но так и не увидел никого с соответствием Мете более чем в тридцать процентов. Интересно, значит ли это, что им установка нейроморфа вообще противопоказана? Или его использование будет менее эффективным? И какое было соответствие у меня?

Встреча с деканом факультета прошла лучше, чем я ожидал. Меня внимательно выслушали, посочувствовали, покивали и дали добро, хотя и предупредили, что «У нас престижный вуз, и мы строго контролируем уровень образования наших выпускников».

Вот так, то ли пожурив за излишний для них геморрой, то ли напутствовав, Филонович выпроводил меня к секретарю, поручив ей подготовить график сдачи зимней сессии. И вернулся к себе, а я стойко выдержал заинтересованные взгляды присутствовавших в деканате преподавателей и секретарши Юли. Она повозилась с планировщиком, собрала график сдачи, приложила список тем курсовых и рефератов по всем предметам и выслала мне на почту. Но на этом не остановилась – распечатала все, сбегала к декану и принесла подписанный документ.

– Ну… Готовься, Колесников! Как только сдашь это, сразу надо будет приступать к летней сессии, так что о прогулках под луной можешь забыть до конца июня.

– Спасибо, Юля.

– Пожалуйста, Матвей. И… Ни пуха ни пера!

– К черту!

Система показывала, что Юлия мне сочувствует, а лет ей ненамного больше, чем мне, – двадцать три. Но все знали, что она замужем, и кольцо на безымянном пальце это подтверждало. В нашей группе училась ее младшая сестра, и Юля нас хорошо знала.

Я повернулся, чтобы уйти, но она меня остановила:

– Если захочешь повидаться со своими друзьями, они тренируются в триста шестой аудитории. Готовятся к общегородскому турниру среди вузов.

Выходя из деканата, я чувствовал на себе взгляды – благожелательные, но очень удивленные. Все-таки бывший инвалид, столько лежал в больнице, кома… Такие случаи всегда будоражат и… Дают надежду? Жизнеутверждающе влияют на других? Не знаю точно, поэтому или нет, но отношение всех преподавателей интерфейс отображал как симпатизирующее. Надеюсь, это поможет успешно сдать экзамены.

Своих сокурсников я нашел бурно обсуждающими варианты ответа на очередной вопрос «Брейншторма».

ИскИн этой суперпопулярной по всему миру игры засел где-то в облаке Google, и запустить ее в спортивном или тренировочном режиме мог любой, имеющий смартфон или ноутбук с голографическим проектором. По сути, проектор был не нужен, но с ним игра интереснее. Голограмма ведущего по имени Шелдон Максимус – немного полноватого усатого мужчины в смокинге, с умными глазами за стеклами роговых очков – известна по всему миру. «Брейншторм» стал чем-то вроде спорта, победа в нем студенческой команды повышала престиж вуза, поэтому ректораты активно поддерживали участников.

Естественно, что популярная интеллектуальная игра нашла кучу поклонников среди студентов, и все тут же начали друг с другом соревноваться, причем как онлайн с расчетом рейтинга, так и очно, в местных турнирах. Команда Гены Хворостова сформировалась еще осенью, до того, как я угодил в больницу.

Ребята до хрипоты спорили, но всех перекрикивал Юрка, пока ведущий «Брейншторма», сложив руки на груди, снисходительно улыбаясь, ждал ответа.

Над его головой отсчитывал секунды таймер.

Юра энергично и нахально настаивал на своей версии. Генка, староста группы, который помог мне устроиться в пиццерию, наконец оборвал его, чтобы выбрать финальную версию. Еще в команде была Таня Есман, отвечающая за литературу и искусство, и Оля Воронцова. Я когда-то думал, что ее взяли за красивые глаза, но оказалось, что она отлично разбирается в современных трендах в крайне широком диапазоне – от возраста внуков Ким Кардашьян до знаменитых граффити-художников Нью-Йорка.

– Итак, господа, время вышло! – объявил Шелдон Максимус. – Вопрос был следующим: «Возможно, самым ярким подтверждением пророческого дара Нострадамуса является тридцать третий катрен четвертой центурии: «Юпитер соединится более с Венерой, чем с Луной, появившись в белой полноте. Венера, скрытая под белизной Нептуна, поражена Марсом, посредством мелкого белого зерна». Какое событие предсказал Нострадамус?» Ваш ответ?

Генка поднял руку, команда умолкла, и капитан объявил:

– Мы считаем, что Нострадамус так предсказал начало Второй мировой войны.

– Ответ принят! – Глаза Шелдона как-то очень по-человечески, ехидно блеснули. – И он неверен! Верный ответ: Нострадамус предсказал открытие планеты Нептун. Вы ответили правильно на шестьдесят один процент вопросов, что является тридцать первым показателем в текущем рейтинге города…

– Пауза! – крикнула Таня. – Мотя здесь!

Она заметила меня первой, а вслед за ней головы ко мне повернули и остальные. И следом произошло то, чего я совсем не ожидал. Ребята по-настоящему обрадовались, всей гурьбой подступили ко мне. Юрец орал что-то радостное, девчонки ахали, я сразу попал в объятия Тани с Олей, а Генка радостно хлопал меня по спине. Два других члена команды были мне известны только заочно – они учились на другом факультете. Они просто стояли рядом и, не зная, что делать, улыбались. Нейроморф подсказал, кто из них кто – звали их Максим и Дмитрий.

Гена, распихав девчонок, обнял меня так крепко, что у меня хрустнули кости, а потом отошел и покачал головой:

– Это как вас там в больнице кормили? Ты в плечах шире меня стал, а был тощий как стручок!

– Да ладно? – ревниво не поверил Юрец, подошел и пощупал мне бицепс.

Я вздохнул – сговорились они, что ли? То Вова меня щупает, то Юра.

– А вы чего не на парах? – спросил я.

– Какие пары, старик? – воскликнул Генка. – Мы – единственная команда универа, пробившаяся через квалификационные раунды городского турнира! Нам сам ректор дал разрешение готовиться!

Юра, закончив тискать мой бицепс, вынес вердикт:

– Не, как был дохлым, так и остался. Ну… Может, немного поправился, а так…

Внезапно всем захотелось узнать подробности, а Юра сразу же предложил отметить мое выздоровление. Причем сейчас же, хотя было еще утро.

Я попробовал отказаться, но тут же подвергся атаке всей команды «брейнштормеров» и пообещал себе, что сегодня – ладно, но с завтрашнего дня с головой ухожу в учебу и поиски работы. Второе рождение наполнило меня бешеным желанием не терять времени. Посижу с ребятами – и домой, грызть гранит науки и впитывать терабайты видеолекций. На том и порешили. Только Генка попросил:

– Моть, ты подожди пару минут, мы еще один вопрос прогоним и пойдем. Хорошо?

Согласившись, я сел за парту и с интересом прислушался к вопросу Шелдона Максимуса:

– В пятидесятых годах двадцатого века вербовочным лозунгом военно-морского флота США была фраза: «Хочешь увидеть мир – вступай в военно-морской флот!» Вскоре среди американских пацифистов родился другой лозунг: «Вступай в армию, если хочешь увидеть мир, встретить много интересных людей и…» – Шелдон сделал паузу. – Закончите фразу.

Таймер начал отсчет с шестидесяти секунд. Ребята начали говорить одновременно, обсуждая версии.

– Пацифисты, пацифисты! – задавал направление обсуждения Генка.

– Ну, эти против войны, за мир, – выдал Макс.

– Подружиться с ними? – предположила Таня.

– Версия, – кивнул Генка. – Еще, еще!

– Слишком просто, – заявила Оля. – В чем подвох?

– Увидеть мир, встретить интересных людей и… – задумался Дима. – Обменяться значками? Влюбиться?

– Ага, ты еще скажи «трахнуть», – гоготнул Юрец.

– Версия, – записал Генка. – Четыре версии: подружиться, обменяться чем-то, влюбиться, заняться любовью!

– Точно! Занимайтесь любовью, а не войной! – воскликнула Оля. – Это был их лозунг!

– Осталось три секунды! – постучала по столу Таня.

Из любопытства я решил проверить, сработает ли моя Эрудиция в поиске ответа на такой вопрос. М-энергии хватало, и через мгновение я получил ответ. И не сдержавшись, выкрикнул:

– Убить их!

– Что? – не понял Генка.

– Время вышло! – громогласно объявил ведущий и повторил вопрос. – Ваш ответ?

– Отвечает Матвей, – вдруг заявил капитан. – Давай, Мотя, жги!

– Э… – От неожиданности я затупил на пару секунд, но собравшись, ответил: – Наш ответ: убить их.

– И это… – торжественно протянул Максимус, искоса поглядев на меня, словно мог действительно хоть что-то видеть, будучи простой голограммой. – Правильный ответ! «Вступай в армию, если хочешь увидеть мир, встретить много интересных людей и убить их». Вы ответили верно на шестьдесят три процента вопросов, что является тридцатым показателем в текущем рейтинге города, четыреста восемьдесят шестым в рейтинге страны, шесть тысяч…

– Закончить игру! – объявил Генка.

Максимус попрощался и скрылся в недрах смартфона. Капитан спрятал его в карман джинсов, ухмыльнулся и спросил:

– Ну что, идем праздновать?

– Идем! – закивали остальные и, с шумом сдвигая стулья и парты, поднялись.

Мы направились к выходу из аудитории, и я ощутил, как мне на плечо опустилась тяжелая Генкина рука:

– Слышь, Моть, а ты молодец! Может, к нам в команду? Для начала запасным, а там посмотрим. Ты как? Ребята, думаю, против не будут, а призовой фонд стоит того, чтобы побороться…

– С удовольствием, – обрадовался я.

Попасть в университетскую команду по «Брейншторму» – это же сбывшаяся мечта! Раньше меня туда никто и не подумал бы взять, из-за косноязычной речи я слыл тормозом. К тому же это повысит мою ценность для ректората, а значит и шансы остаться в универе.

– Я за! – подняла руку Таня.

– Я не против, – поддержала ее Оля. – Я даже всеми руками за!

Она вдруг потрепала меня по волосам:

– Мотька! Как же я рада, что ты выздоровел! Ты большой молодец!

Я почувствовал, что тону в глазах нашей Оли. В них я увидел искреннюю радость за меня. И теплоту.

Пока я рефлексировал, выяснилось, что Макс и Дима тоже проголосовали за. Юрка сначала воздержался, но потом нехотя, под напирающими взглядами девчонок, поднял руку.

– Единогласно! – заявил Генка. – Поздравляю, Матвей, ты в команде!

* * *

С ребятами я посидел не час и даже не два. Полгода больничного одиночества разбудили во мне дикую жажду общения. Мой искренний интерес ко всему, что они рассказывали, сделал из меня очень приятного для всех собеседника, и вскоре я был обласкан и осыпан пожеланиями поскорее возобновить учебу и успешно сдать экзамены.

Смущали только постоянные подтрунивания Юры, который, казалось, совсем не замечал изменений во мне и продолжал вести себя так, будто я все тот же Матвей с плохой речью и дергаными движениями.

– Сам доберешься? – заботливо спросила Таня. – Может, тебя проводить?

– Доберусь, – заверил я. – Раньше, когда хромал, добирался же как-то. А сейчас выздоровел, стал нормальным…

Юрец вдруг ни с того ни с сего захохотал, показывая на меня пальцем. Я, недоумевая, посмотрел на него в ожидании объяснений. Отсмеявшись, он сказал:

– Дружище, ты только не обижайся, но за такое короткое время это не лечится. Ты все еще хромаешь и все так же… – Он замялся, увидев нахмурившегося Генку. – В общем, и говоришь ты, может, и понятнее, но все равно как будто с кашей во рту. – Юра скривил рот и спародировал: – Уаньше када хуомал…

Я опешил. Сразу после выписки я проверял речь и походку, записывая себя на камеру, и особых недостатков не заметил. И то и другое стало обычным, ничем не хуже, чем у остальных.

– Не слушай его, Моть, – вмешался Гена. – Юрка сегодня что-то не то съел и совсем потерял чувство юмора. Иди, мы тут с ним сами разберемся.

Юрец рассмеялся:

– А-ха! Поверил? Видел бы ты свое лицо, Матвей! А-ха-ха!

– Дурацкая шутка, – вырвалось у меня.

– Ты идиот, Горкин? – взорвалась Оля и накинулась на Юру с кулаками. – Человек с того света вернулся, а ты тут шуточки идиотские…

– Дебил! – поддержала ее Таня.

Дослушивать я не стал. Радостное настроение было подпорчено, хоть я и понимал, что Юра всегда был таким.

Уже спускаясь в метро, я решил, что день все же удался: разрешение на сдачу экзаменов получил, одногруппников повидал и даже в их команду «Брейншторм» попал. Не самый дружелюбный тон Юры больно кольнул и почему-то напомнил, как меня чуть не убила какая-то тварь. Она же осталась

жива и, может, снова где-то рядом? Я начал озираться, но ничего необычного не заметил. Тактический монитор не активировался, и я успокоился.

И тут произошло кое-что странное. Поле зрения сузилось и немного обесцветилось по краям. Зато фокус стал очень контрастным и ярким, указывая на место у билборда в углу станции, возле туннеля. Воздух там дрожал, словно над горячим асфальтом. Люди, проходя мимо этого участка, непроизвольно морщились, кто-то вздрагивал, другие как-то вяло и растерянно крутили головами – и все уходили от странного места с ссутуленными плечами, поникшие.

Что такое? У колонны я приостановился, выйдя из людского потока, и пригляделся внимательнее. Над билбордом парила полупрозрачная надпись:

Очаг эмо-планктона, 3 уровень

Информация недоступна.

И только когда я прочитал и вникнул, нейроморф активно заявил о себе. Причем так, что пропустить это было невозможно. Чип заглушил шум станции, обесцветил все вокруг, кроме билборда с клубящимся воздухом, подсветив его красной обводкой, и выдал прямо предо мной панель с текстом:

Обнаружена враждебная мета-сущность: очаг эмо-планктона.

Эмо-планктон паразитирует, поглощая эмоции всех разумных, попавших в радиус действия. Уничтожив его, ты получишь мета-опыт.

Первый квест! Я получил первый квест! Появляется шанс выйти с нулевого уровня. А может, Мета в результате даже откроет мне полный функционал? Черт, наконец-то! Я не мог сдержать азарта – надо обязательно разобраться с этим планктоном, чем бы тот ни был. Хотя формулировка не классическая для квеста, мне не дали возможности принять его или отказаться. Просто

проинформировали. Сделаю – молодец, получай мета-опыт. А сколько мне нужно этого опыта до следующего уровня? И сколько дадут? Что там говорит подсказка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/daniyar-sugralinov/meta-igra-probuzhdenie

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити